

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 4(6)
октябрь – декабрь
2014

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
От редакции.	5
To Our Readers and Authors.	7
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Философия информационного общества

Социокультурное развитие в контексте реформирования общественных отношений	
<i>Л. М. Злотникова (Республика Беларусь)</i>	12
Очеловечивание техники и технизация человека	
<i>Н. К. Оконская, М. А. Ермаков, О. А. Резник</i>	21
Информационные войны: аксиологический аспект	
<i>М. Л. Бурова</i>	31
Язык и сознание в философии Дж. Сёрля	
<i>А. Н. Исаков</i>	40

Философия образования

Квалифицированный потребитель – цель системы образования?	
<i>А. Н. Ильин</i>	49
Формирование ведущих исследовательских университетов мирового класса в России (на примере томских национальных исследовательских университетов)	
<i>И. В. Брылина, А. В. Кузьмина</i>	58
Космическое мышление – актуальная задача современного образования	
<i>Г. Б. Святохина</i>	68
Реплика на статью Г. Б. Святохиной «Космическое мышление – актуальная задача современного образования»	
<i>В. Д. Комаров, С. В. Орлов</i>	79

Теория и история культуры

Кросскультурный менеджмент и корпоративная культура	
<i>В. Н. Бадмаев, М. С. Уланов</i>	83
Роль дизайна в реализации концепции устойчивого развития	
<i>М. В. Панкина</i>	96

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	103
--------------------------------------	-----

Content

About the Journal	4
Editorial.	5
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	7
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10
Philosophy of Information Society	
Sociocultural Development in the Context of the Reform of Social Relations	
<i>L. M. Zlotnikova.</i>	12
Humanization of Technology and Technicalization of Humans	
<i>N. K. Okonskaya, M. A. Ermakov, O. A. Reznik.</i>	21
Information Warfare: the Axiological aspect	
<i>M. L. Burova</i>	31
Language and Consciousness in the Philosophy of John R. Searle	
<i>A. N. Isakov</i>	40
Philosophy of Education	
Is a Qualified Consumer the Goal of Education System?	
<i>A. N. Ilyin.</i>	49
Establishing World-Class Research Universities in Russia (The Case of Tomsk National Research Universities)	
<i>I. V. Brylina, A. V. Kuzmina.</i>	58
Cosmic Thinking as an Important Goal of Modern Education System	
<i>G. B. Svyatokhina.</i>	68
<i>Letter from the Editor-in-Chief. The Paper of G. B. Svyatokhina ‘Cosmic Thinking as an Important Goal of Modern Education System’</i>	
<i>V. D. Komarov, S. V. Orlov</i>	79
Theory and History of Culture	
Cross-Cultural Management and Corporate Culture	
<i>V. N. Badmaev, M. S. Ulanov.</i>	83
The Role of Design in Sustainable Development Realization	
<i>M. V. Pankina</i>	96
Article Presentation Rules	
Article Presentation Rules.	103

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих специальностей научных работников:

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
 - 09.00.08 – Философия науки и техники;
 - 09.00.11 – Социальная философия;
 - 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
 - 24.00.01 – Теория и история культуры;
 - 07.00.02 – Отечественная история;
 - 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования;
 - 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии.
- Журнал выходит четыре раза в год.

Редакционная коллегия

От редакции

Шестой номер журнала – № 4(6) за 2014 год – подготовлен на основе материалов научно-практической конференции «Философско-культурологические основания становления научно-образовательного общества», которая проводилась в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения 21 ноября 2014 г. Конференция состоялась в рамках Общественного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2014», посвященного теме «Университет в пространстве современной культуры: философия, политика, мораль».

Раздел **«Философия информационного общества»** открывается статьей исследователя из Республики Беларусь (Гомель) Л. М. Злотниковой «Социокультурное развитие в контексте реформирования общественных отношений». Автор отмечает необходимость выработки в постиндустриальном обществе нового, адекватного типа культуры, так как материальные производственные отношения при всей их важности не могут регулировать всю социальную систему и сами нуждаются в неких культурных основаниях. Эту мысль продолжает публикация Н. К. Оконской, М. А. Ермакова и О. А. Резник «Очеловечивание техники и технизация человека». Они подчеркивают роль гуманитарных связей и социальной коммуникации, которые должны противостоять технизации общества и человека. М. Л. Бурова в статье «Информационные войны: аксиологический аспект» рассматривает современные приемы ведения информационной войны и высказывает мнение, что ее агрессивному влиянию можно противостоять с помощью идеологического воспитания, опирающегося на традиционные национальные культурные и государственные ценности. В статье «Язык и сознание в философии Дж. Сёрля» делается попытка проанализировать постановку проблемы сознания в работах Джона Сёрля.

В разделе **«Философия образования»** помещена полемическая статья А. К. Ильина «Квалифицированный потребитель – цель системы образования?». Автор доказывает губительность модной в последнее время концепции, согласно которой российская система образования должна быть переориентирована с подготовки людей творческих, творцов нового, на выпуск грамотных потребителей, ориентированных в первую очередь на пользование товарами и услугами, производимыми в других странах. И. В. Брылина и А. В. Кузьмина в работе «Формирование ведущих исследовательских университетов мирового класса в России (на примере томских национальных исследовательских университетов)» прослеживают процессы совершенствования образования в современной России, конкретные приемы и стимулы, которые используются государством и вузами для управления этими процессами. В статье Г. Б. Святохиной «Космическое мышление – актуальная задача современного образования» рассмотрены идеи представителей идеалистического направления русского космизма, которые считаются важными и нужными для формирования современных представлений о

человеке и космосе. Редакция журнала не во всем согласна с таким подходом. В реплике на статью, подготовленной членом редакционного совета В. Д. Комаровым и главным редактором С. В. Орловым, выражена точка зрения о не меньшем значении материалистического подхода в русском космизме. С их точки зрения, религиозно-мифологические представления русских философов-идеалистов ценны не как современное и адекватное понимание связи человека и космоса, а как вехи на долгом и сложном, полном ошибок пути человека к подлинно научному, материалистическому пониманию своей сущности и своего места в материальном мире. Опыт такого материалистического осмысления отношений человека и космоса есть как в русском космизме, так и в российской философии последних десятилетий.

В разделе **«Теория и история культуры»** публикуется статья В. Н. Бадмаева и М. С. Уланова «Кросскультурный менеджмент и корпоративная культура», затрагивающая проблемы прикладной культурологии. Авторы анализируют различные типы корпоративных управленческих культур и предлагаемые ими способы организации взаимодействия участников производства, являющихся носителями сильно различающихся национальных культурных традиций. В работе М. В. Панкиной «Роль дизайна в реализации концепции устойчивого развития» особо подчеркивается роль экологической культуры, которая должна стать аксиологическим основанием дизайна. Сам дизайн может стать катализатором выхода из экологического кризиса, решения задач устойчивого развития и обеспечения гармонии сосуществования природы и общества.

Приглашаем всех заинтересованных специалистов принять участие в обсуждении и дальнейшей разработке поставленных проблем.

Главный редактор

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the sixth issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии, колледж Идахо, США (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологии:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия.

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков института холода и биотехнологий

Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 130.2

Социокультурное развитие в контексте реформирования общественных отношений*

Злотникова Лидия Михайловна – Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, кафедра экономической теории, доцент, кандидат экономических наук, доцент, Гомель, Республика Беларусь.

E-mail: zllidia@yandex.ru

246029, Республика Беларусь, г. Гомель, пр. Октября, 50,
тел. +375 29 164 42 04.

Авторское резюме

Состояние вопроса: До настоящего времени культурные и социальные компоненты общественной жизни отнесены к второстепенным, незначительно влияющим на эффективность проводимых реформ. Теоретические исследования проблем воздействия культуры на жизнедеятельность человека носят ограниченный характер. Экономическая политика государства, нацеленная на получение безусловного экономического эффекта, возвысила утилитарный рационализм. Общая и профессиональная культура человека оказались заложницами технологического фетишизма, породив огромное количество противоречий дальнейшего развития.

Результаты: Культура как внутренне сакральный процесс не поддается арифметическому измерению. В реальной жизни она оказывает решающее воздействие на происходящее. Материальное бытие не только содержит все культурные ценности, но отражает отношение к ним. Так, элементарное несоблюдение требований технологии или санитарной культуры влечет за собой производство некачественной продукции, сокращение службы оборудования.

Разработка и внедрение высоких технологий во все большей степени зависят от базового уровня культуры. Поклонение количественным достижениям порождает много явных и латентных противоречий между культурным потенциалом и требованиями производства. Особое место в новых условиях занимают противоречия между морально-нравственными общественными ценностями и свободой выбора. Человек, лишенный реального выбора, обречен на бессознательное выполнение производственных обязанностей и примитивные развлечения.

Область применения результатов: В эпоху формирования постиндустриального общества новая система производства требует выработки адекватного ей типа культуры, в которой необходимо найти разрешение

* © Л. М. Злотникова, 2014.

противоречия между консервативным восприятием происходящего и необходимостью быстрой и адекватной реакции на перемены.

Выводы: В настоящее время назрела необходимость проведения полномасштабных гуманитарных исследований влияния общей и профессиональной культуры на состояние общества, в том числе материального производства.

Ключевые слова: общая культура; профессиональная культура; противоречия; морально-нравственные ценности; личность; экономика; производство; материальное богатство.

Sociocultural Development in the Context of the Reform of Social Relations

Zlotnikova Lidia Mikhaylovna – Ph.D., Associate Professor, Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, Gomel, Republic of Belarus.

E-mail: zllidia@yandex.ru

50, prosp. Oktiabria, Gomel, Republic of Belarus, 246029,

tel: +375 29 164 42 04.

Abstract

Background: So far cultural and social components of public life have been considered to be secondary ones, their influence on the effected reforms being insignificant. Theoretical researches of problems devoted to culture impact on human activity have been limited. The economic policy of the state aimed at receiving absolute economic effect has reinforced utilitarian rationalism. General and professional human culture appears to be controlled by technological fetishism, which results in a great number of further contradictions.

Results: Culture as an internal and even sacral process cannot be measured precisely. In real life it makes a decisive impact on contemporary situation. Material being not only contains all cultural values, but reflects the attitude towards them. Thus, elementary non-compliance with technological requirements or sanitary conditions results in the production of low-quality products and reduces durability of equipment.

Development and introduction of high technologies depend to a great extent on a contemporary type of culture. Overstatement of quantitative achievements generates many evident and latent contradictions between cultural potential and production system needs. A special place in these new conditions is taken by contradictions between moral and social values, on the one hand, and freedom of choice, on the other. The individual deprived of a real choice is doomed to unconscious performance of production duties and primitive entertainments.

Research implications: In the epoch of post-industrial society formation a new system of production demands an adequate culture development. The task of the latter is to resolve contradictions between the conservative perception of the reality and the necessity of prompt and adequate reaction to these changes.

Conclusion: Nowadays there appears a necessity to do large-scale humanitarian research on the influence of general and professional culture on society state, its material production being included.

Keywords: general culture; professional culture; contradictions; moral values; personality; economy; production; material wealth.

Понятие «культура» теоретически многогранно. В практическом использовании оно отождествляется чаще всего с воспроизводством эмоционального восприятия окружающего мира. Музыка, литературные и художественные произведения, архитектура находятся в центре внимания культурологии. Обыденное толкование культуры связано в основном с отношениями людей между собой. В гуманитарных науках «культура» изучается в духовной и материальной сферах. Проще говоря, под культурой понимаются все материальные и нематериальные ценности, созданные человеком. Мы не будем углубляться в описание различий в подходах, определяющих содержание культуры. Попытаемся сконцентрировать внимание на роли человека в формировании производственной среды и условий жизнедеятельности. Последние, на наш взгляд, могут служить индикативным показателем общей культуры человека. Представители гуманитарных наук предпринимают многочисленные попытки по разработке количественных измерителей всех сфер жизнедеятельности. Методологически индикативное измерение позволяет максимально учитывать разнородность системы и ее динамическое состояние.

Многие живые существа улучшают условия обитания, сооружая определенные материальные объекты. Птицы выют гнезда, бобры строят плотины, многие обитатели лесов используют особенности ландшафта для укрытия от непогоды и т. д. Человек обладает не только биологическими особенностями, но и принципиально отличается уровнем социализации. В связи с этим закономерно встает вопрос о тех социальных свойствах, которые позволяют ему создавать не только примитивные материальные объекты, но и духовные. Кто, где и как формирует его принципы поведения и механизмы реализации? Тысячелетиями человек пытался сформировать свой идеал и претворить его в жизнь. В Древней Греции стремление к всесторонне развитой личности начиналось с умерщвления родившихся нездоровыми детей. Некоторые культуры Востока пытались реализовать идею могучего воина и т. д. Идеал человека носит относительно изменчивый характер. Тенденции, причины, механизмы выделения человека из биологической среды, олицетворявшие процессы социализации, постоянно находятся в центре внимания философов и социологов. Благодаря многочисленным философским трудам можно выделить две важнейшие формы жизнедеятельности человека: базисную и личностную. Не всякий человек, приобретая навыки общения и элементы поведения в обществе, становится личностью. В этом плане нам очень близки слова Я. Щепаньского: «...культурный идеал личности является как бы комплексом предписаний» [6, с. 70].

Необходимость обращения к проблеме личностного становления вызвана многими причинами. Во-первых, гуманитарные исследования в последние десятилетия стали предметом научного интереса только отдельных энтузиастов. Во-вторых, изучение культуры все больше ограничивается культурологией. В подавляющем большинстве вузов бывшего СССР из рабочих программ обучения исчезла теоретическая этика. А практическая не успела появиться. В-третьих, господство стереотипов в общественном сознании и бытовом мышлении основано на необходимости сохранения традиционной культуры.

Сложно обозначить все причины не очень внимательного отношения к проблемам формирования общей и профессиональной культуры. Условно разделив организационные формы жизнедеятельности человека, попытаемся сформулировать основные проблемы культуры базового уровня его социализации. Данный подход обусловлен закономерно возникшей необходимостью и противоречиями развития общества. Человек, стремясь обеспечить необходимые условия жизнедеятельности, создал сложную технику, использует высокие технологии, требующие новых принципов производственной деятельности. В обществе сохраняются завышенные оценки материального богатства и всемогущества технико-технологических компонентов. Стереотипы мышления и поведения человека оказывают огромное влияние на отношение к культуре, суть которой до настоящего времени отождествляется с элементами эстетического восприятия, эмоционального наслаждения и развлечения.

Процессы, формирующие уровень культуры общения, производства, управления давно перешагнули картинные галереи, выставки, театры и тем более эстрадные подмостки. Необходимо признать, что культура – это сложная институциональная система общественных отношений, латентная составляющая которой на несколько порядков сильнее видимой. В силу того, что она численно не измеряется, не приносит моментальный экономический эффект, материальное производство игнорирует влияние культуры. Индифферентное отношение к значимости профессиональной, общей и эстетической культуры обусловлено многими причинами. Гипотетически на первом месте находится дифференциация и специализация труда. На заре зарождения цивилизации человек производил товары для удовлетворения жизненно важных потребностей. Разделение труда, вызванное расширением обмена, стало основой роста объемов производства.

Культура во всех ее проявлениях оказалась заложницей материально-денежного и физического богатства. Человеческие поколения, как отмечал П. Сорокин, «создают науку, философию, религию, этику, технологию, искусство ... но накопление знания, являющейся точкой отсчета, само есть продукт человеческого взаимодействия» [5, с. 160]. Сложившаяся ситуация в культуре отражает наличие прочных связей между процессами индустриализации и развитием естествознания. Гуманитарная наука в составе философии, социологии, этики, эстетики не располагает пока достаточным объемом эмпирических данных, подтверждающих судьбоносное значение

человеческих принципов жизнедеятельности. «Историческое мышление также оказалось захваченным чуждой ему индустриальной системой, а именно в этой сфере, где исследуются отношения между людьми, современная западная промышленная система демонстрирует, что она вряд ли является тем режимом, при котором хотелось бы жить и работать» [5].

Вопреки марксистской методологии человек не меняет нравственные нормы поведения вслед за ростом материального богатства.¹ Многочисленные сюжеты о жизни богатых показывают отсутствие прямой зависимости культуры от благосостояния. Для обладания материальными и денежными ценностями чаще используются инстинкты. Границы безнравственного поведения и отношения к окружающим оказались размытыми, все реже они становятся предметом научных исследований и общественных дискуссий. Источники и механизмы аморального поведения, порожденные изощренным потреблением материального богатства, тиражируются средствами массовой информации. Праздное потребление культивируется как основная цель жизни.

Культура – внутренне сакральный процесс, она носит фундаментальный характер, не поддается арифметическому измерению, гипотетически оказывает решающее воздействие на происходящее. Материальное бытие содержит и отражает все культурные ценности человека. Если производитель в любой сфере производства и жизнедеятельности не соблюдает элементарные требования санитарной культуры, то сложно получить качественную продукцию, иметь чистые подъезды и улицы, оградить потребителей от распространения различных заболеваний.

Расширение рыночных отношений ослабляет действие старых систем. Принципы, формы и механизмы социального контроля, действовавшие длительное время, в современных условиях теряют силу. Исчезает форма контроля «лицом к лицу». Общество приобретает обезличенный характер. Новая социально-экономическая дилемма, сопровождающая модернизацию производственных и социальных структур, требует усиления контрольной функции, усложнения ее структуры и перенесения ответственности на человека. Действующая социально-экономическая практика эксплуатирует человека-функцию и создает реальные условия для девиантного поведения.

Тысячелетиями изменения в жизни человека происходили медленно, не затрагивая основные моральные ценности. Многие негативные последствия проводимых реформ заставляют задуматься о месте и роли культуры. Используя терминологию медицины, сравним ценности человека с его сосудистой системой. Как известно, сосуды в организме человека выполняют жизненно важные функции, они доставляют кровь к различным органам и тканям, обеспечивают жизнь человека. Моральные принципы, нормы и ценности – это своеобразные сосуды жизнедеятельности общества.

¹ Такая трактовка марксистской методологии представляется упрощенной и несколько странной. Хорошо известны высказывания К. Маркса о том, что при высоком проценте прибыли капиталист готов пойти на любые преступления ради ее получения. Само собой разумеется, что рост благосостояния никак не улучшает его нравственность. Утверждение об изменении нравственных норм поведения просто вслед за ростом материального богатства может принадлежать, по-видимому, только сильно вульгаризированным версиям марксизма (прим. главного редактора).

Усложнение материально-технической компоненты повышает требования и значимость общей и профессиональной культуры личности.

В конце XX века во многих странах мира возросло количество техногенных аварий и катастроф с большим количеством человеческих жертв. Основной причиной принято называть абстрактный «человеческий фактор». К сожалению, пока не проводятся исследования, устанавливающие зависимость между выполнением профессионального долга и используемыми методами межличностной коммуникации. Личный опыт производственной деятельности позволяет говорить о том, что грубость, постоянные унижения (особенно тех, кто находится на низшем уровне) редко осуждаются. Постсоветский человек с детства постигает моральное и физическое насилие как единственный эффективный способ общения и достижения своей цели.

Одержимость издержками, ценами, прибылями, количеством и качеством потребительских товаров широко эксплуатирует рабочую силу. Человек в буквальном смысле слова превратился в раба промышленного производства. В экономической науке и практике он изучается как фактор производства. Интерес Г. Беккера к человеческому поведению в условиях реформирования социалистической экономики не нашел поддержки в социальной политике, а значит и формировании новой культуры. Утилитарный рационализм повсеместно проявляется в обращении с человеком как с неодушевленным предметом. Можно рассуждать о том, что пренебрежение к жизни человека связано с реформами, игнорировать противоречивость любых жизненных явлений.

За индустриальные достижения человек заплатил высокую цену. Сложно, но необходимо признать глубинный характер противоречий жизнедеятельности. Подобно тяжелому заболеванию человека они имеют длительный период формирования, выявляются на стадии обострения в определенных обстоятельствах. Ложь, дерзость, честолюбие, тяга к наслаждению, эгоизм и многие другие асоциальные действия начинают теснить нравственность, сознательность, благородство, имея для этого прочную питательную среду. Она создается десятилетиями. П. Сорокин о социалистической революции писал: «Реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам... тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации ее реформирования» [4, с. 271].

В условиях низкого уровня развития производства коллективные действия, поддержанные государственным патернализмом, выполняют функцию социального контроля. Десятилетия существования социализма заложили основы индивидуальной безответственности. Провозглашенная свобода действий без внутренних и внешних ограничений, в условиях отсутствия адекватного контроля обернулась, как принято говорить, «снижением нравов, моральной деградацией общества». Сегодня многие социологи, экономисты, политологи обращаются к методологии Макса Вебера. Использование научного наследия как важнейшего элемента прежней культуры позволяет лучше понять

происходящее. Современные противоречия между культурным и производственным потенциалом требуют переосмысления философско-социологического обоснования роли человека. В отличие от К. Маркса и О. Конта, отдававшим пальму первенства обществу, М. Вебер считал индивида единственным субъектом, достойным изучения и управления. Ценности индивида, мотивы, цели, интересы определяют социальные действия. Социологи, по мнению М. Вебера, должны обращать основное внимание на механизмы взаимосвязей между ценностями индивида и социальными изменениями. Социально осмысленная субъективная деятельность не может осуществляться вне целей и ценностей. Они в свою очередь формируются под воздействием мотивов. Размышляя о поведении человека, М. Вебер обращал внимание на необходимость постоянного и последовательного изучения мотивов. Проблема мотивов в реализации морально-нравственных основ занимает особое место. Мотивация и свобода выбора, на наш взгляд, это два взаимосвязанных процесса. Человек, не имеющий выбора, обречен на подавление индивидуальности и осознания принимаемых решений. Несвободный человек признает только физический труд и примитивные развлечения. В его понимании наука и искусство не заслуживают достойного внимания. Общий и профессиональный уровень культуры отражают уровень синергетического соединения внутренней и внешней свободы.

Модернизация экономики предъявляет абсолютно новые требования к поведению человека. Выше отмечалась важность контроля в процессе жизнедеятельности и производства. Модернизация влечет за собой изменение структуры и издержек производства. Экономическая теория и практика до настоящего времени основное внимание уделяет таким издержкам, которые достаточно быстро облекаются в денежный эквивалент. Материально-вещественные факторы легко измеряются количественно, подсчет затраченных произведенных объемов и общих затрат не требует серьезных усилий. Действующая система оценочных показателей производственной деятельности базируется на признании товара потребителем. А для него цена товара, произведенного с наименьшими затратами, важнее морально-нравственных ценностей производителя. На практике сложно установить прямую зависимость между общей, профессиональной культурой производителя и потребительскими свойствами товара. К основным проблемам нравственно-культурного порядка в настоящее время можно отнести доверие, надежность, честность, дисциплинированность, ответственность и многие другие, которыми пренебрегают последователи утилитарной рыночной экономики. Стремление максимизировать прибыль сегодня и сейчас несовместимо с «эфемерными этическими принципами» современных собственников.

Развитие цивилизации в условиях **ограниченных ресурсов** (выделено нами) – а к ним мы относим не только природные, но и человеческие – в буквальном смысле слова вынуждает к переосмыслению ценностей. В конечном итоге бережное отношение к окружающей среде есть не что иное, как зеркальное отражение уровня нравственности человека. Материализация ценностей на основе рациональности и выгоды, расчетов прибыли и

убытков создает противоречия между общей культурой и техническим развитием. Интеграция техники и культуры, экономики и промышленности становится все более тесной, усиливая значение культурной парадигмы в управлении. Морально-нравственные принципы ежедневного, порой тяжелого физического труда сложно учитывать в оценке результата. Они становятся не только очевидными, но и ощутимыми только в случае их игнорирования. Постоянно возрастающие культурные требования потребителей, высокие запросы к качественной форме и содержанию пока слабо поддерживаются производителем. Сложилась парадоксальная ситуация. Подавляющее большинство понимает высокую значимость культуры производства, но при этом затраты на окультуривание профессиональной деятельности несет человек.

Мы склонны оценивать культурные изменения в контексте производственно-экономических преобразований жизнедеятельности человека как фундаментальную основу. Люди, создавая и преобразуя формы и принципы функционирования общества, управляют своей собственной жизнью. Спонтанно происходящие процессы приобретают определенную форму и целостность только благодаря культурной составляющей. Можно по-разному относиться к теории и последователям экономического детерминизма. Техничко-технологический прогресс остановить невозможно. Необходимо принять, что существующая оценочная система достижений базируется на приоритетах материально-вещественных ценностей. Создание товара и потребление происходит в определенном культурном пространстве. И как писал Людвиг фон Мизес: «Каждый зависит от другого, и того же рода отношения существуют между продавцом и покупателем, нанимателем и работником» [3, с. 129]. Понятие «культура» содержит в себе универсальную, сложно организованную систему отношений человека к человеку, человека к окружающему миру. Культура – это не только книги, художественные произведения, а, прежде всего, творческая мастерская самореализации человека. Она включает материально-вещественные товары и индивидуальные способности, интеллектуальное, эстетическое и нравственное развитие, способы и формы взаимодействия в социальном окружении (семья, производственный коллектив, различные общественные формирования и т. д.).

В заключение хотелось бы прибегнуть к помощи выдающего польского социолога Яна Щепаньского. В основе проблем, которые общество не разрешило до настоящего времени, по мнению ученого, лежит неправильная оценка духовной культуры. Поклонение материальной культуре, иногда называемое цивилизацией, привело к тому, что умственная деятельность человека оказалась в роли служанки. Деление на материальную и духовную культуру, по мнению Я. Щепаньского, может применяться только в определенных границах, которые невозможно четко провести между абстрактным образом нового товара и его материальным воплощением. «Культура – это продукт деятельности человека. Она не является чем-то существующим вне человеческих общностей, не является ни самим в себе бытием, ни неким объективным духом» [6, с. 48]. Современная культура как

отражение проблем общественного развития базируется на системе противоречий между консервативным восприятием происходящих событий и необходимостью быстрой и адекватной реакции на требования времени. Человек создает и использует мир вещей и мир идей, творит культуру. Вся его жизнь проходит в определенных культурных условиях. Состояние культуры отражает отношение человека к собственной значимости и развитию. Предложенные размышления о неудовлетворительном состоянии культуры хотелось бы закончить предложениями о необходимости исследований всех причин сложившейся ситуации, не останавливаясь на монохромном видении. Трудно согласиться и принять действующую концепцию вторичности культуры. Все отношения – это результат использования жизненного опыта, приобретенных правил, норм, морали и нравственности.

Список литературы

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Каталог. Библиотека учебной и научной литературы – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio> (дата обращения: 26.12.2014).
3. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. – М.: ОАО «НПО Экономика», 2000. – 878 с.
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Тойнби А. Постижение истории // Каталог. Библиотека учебной и научной литературы — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio> (дата обращения: 26.12.2014).
6. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

References

1. Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior [*Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod*]. Moscow, GU VShE, 2003, 672 p.
2. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [*Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*]. Available at: <http://sbiblio.com/biblio> (accessed: 26 December 2014).
3. Mises L. Human Action: A Treatise on Economics [*Chelovecheskaya deyatel'nost: Traktat po ekonomicheskoy teorii*]. Moscow, ОАО “NPO Ekonomika”, 2000, 878 p.
4. Sorokin P. A. Man. Civilization. Society [*Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo*]. Moscow, Politizdat, 1992, 543 p.
5. Toynbee A. A Study of History [*Postizhenie istorii*]. Available at: <http://sbiblio.com/biblio> (accessed: 26 December 2014).
6. Szczepański J. Elementary Concepts of Sociology [*Elementarnye ponyatiya sotsiologii*]. Moscow, Progress, 1969, 240 p.

УДК 141. 62-05

Очеловечивание техники и технизация человека^{*}

Оконская Наталия Камильевна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», профессор кафедры философии и права, доктор философских наук, Пермь, Россия.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29, корп. А,
тел.: +7(342)219-80-47.

Ермаков Михаил Александрович – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», ассистент кафедры социологии и политологии, Пермь, Россия.

E-mail: sociovampire@mail.ru

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29, корп. А,
тел.: +7(342)219-80-47.

Резник Ольга Афанасьевна – Автономная некоммерческая организация «Пермский гуманитарно-технологический институт», доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Пермь, Россия.

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 74,
тел.: +7(342)244-28-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Современный философский подход к исследованию информационного общества ставит проблему технизации человека с негативным уничижительным акцентом. Не менее важным было бы рассмотрение технизации человека как необходимого прогрессивного элемента создания ноосферы, результатом которого будет очеловечивание техники.

Результаты: Естественность искусственной технической среды является логическим обоснованием прогрессивности технизации. В современном обществе происходит переход от зависимости как нужды (в технике) к необходимой для человека свободе. Помехой для такого очеловечивания технической среды является сам человек, если он не только передал техническим новинкам свое могущество, но и утратил гуманитарные связи. Современной тенденции распада гуманитарных связей может противостоять восстановление единства духовного знания в целом в оппозиции к плюрализму. Духовные ценности способны противостоять напору технизации и даже создать условия для ускоренного развития производительных сил современного общества.

Область применения результатов: Предложен вариант изменения кризисного состояния общества периода 4-й глобальной научной революции.

^{*} © Н. К. Оконская, М. А. Ермаков, О. А. Резник, 2014.

Выводы: Разрушение гуманитарных связей означает разрыв коммуникаций, потерю технической мощи человечества, опирающейся на выход из потаенности энергии человеческого бытия.

Причина глобальных техногенных катастроф – своеобразное «заигрывание» техническими игрушками, связанными с сутью технизации внешним, случайным образом. Включение моральных норм в сугубо профессиональную деятельность ученого необходимо для переориентации его работы непосредственно на силы социальной коммуникации человека и природы, человека и общества.

Ключевые слова: информационное общество; техническая реальность; технизация общества; очеловечивание техники; гуманитарные связи; духовное знание; плюрализм знаний; релятивизм морали; этический потенциал науки; синергетика.

Humanization of Technology and Technicalization of Humans

Okonskaya Natalia Kamilevna – Perm National Research Polytechnic University, Professor of Philosophy and Law Department, Doctor of Philosophy, Perm, Russia.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

29, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000,

Tel: +7 (342) 219-80-47

Ermakov Mihail Aleksandrovich – Perm National Research Polytechnic University, Assistant of the Department of Sociology and Political Science, Perm, Russia.

E-mail: sociovampire@mail.ru

29, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000,

Tel: +7 (342) 219-80-47

Reznik Olga Afanasevna – Perm Humanities Institute of Technology, Associate Professor of the Humanities Department, Perm, Russia.

74, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000,

Tel: +7 (342) 244-28-13.

Abstract

Background: Contemporary philosophical approach to the study of the information society poses the problem of techicalization of human in some negative sense. But it seems more important to consider techicalization of human as an essential progressive element of the noosphere creation, which will result in humanization of technology.

Results: Naturalness of synthetic technical environment is the logical justification of technicalization progressiveness. In contemporary society conversion from dependence on technology to human freedom takes place. Humans themselves are the obstacle to humanization of technology if they have given their power to gadgets and lost their human communications. Recovery of spiritual knowledge unity in opposition to pluralism can resist a present-day tendency of human communication

destruction. Moral values are able to resist technicalization stress and even to create conditions for labor force acceleration in contemporary society.

Research implications: A variant of the society crisis state alteration in the epoch of 4-th global science revolution is proposed.

Conclusion: The destruction of human communications means a disruption of communication, a loss of technical power of humanity, which is based on the revelation of human vital energy.

One of the reasons of global technological catastrophes is an excessive attention to gadgets connected with the core of technicalization at random. The inclusion of moral norms in professional activities of scientists is necessary to focus their work directly on the forces of social communication between humans and nature, humans and society.

Keywords: information society; technological reality; technicalization of society; humanization of technology; human communications; spiritual knowledge; pluralism of knowledge; relativism of morality; ethical potential of science; synergetics.

Для обычного восприятия техника, изготовленная руками человека, не может скрывать в себе какое-то другое значение кроме того функционального, для которого ее используют. Если техника применяется для разрушения (атомная бомба), то осуждение неизбежно, но даже и в этом случае такую технику можно оправдать (идеей справедливой войны, к примеру). Когда же технические новинки призваны облегчить быт или ускорить производство, то такая техника обычно оценивается сугубо положительно.

Ставя и решая проблемы техники, необходимо понять, что такое техника в философском аспекте. «Техника не то же самое, что суть техники, – пишет Хайдеггер. – ... Мы никогда не почувствуем своего отношения к сущности техники, пока будем просто пользоваться ею ... или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, утверждаем ли мы ее с энтузиазмом или отрицаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда видим в ней что-то нейтральное; такое представление, особенно популярное сейчас, делает нас совершенно слепыми к ее сущности» [10, с. 221]. Немецким философом отвергается представление о том, что техника есть средство в руках человека. Напротив, Хайдеггер считает, что именно человек «выдан» технике, «затребован» ею. И в этом истоки опасностей, которые подстерегают, по его мнению, человека. Все силы (свободное время, деньги, образование) человек встраивает в технические системы (коммуникационные, производственные, бытовые, пр.).

При этом красота природы, чистый воздух, вкусная родниковая вода, живой разговор, письма, книги становятся редким выбором для отдыха. Они перестали быть ценностью для современного человека, и далеко не потому, что не могут обеспечить отдых, здоровье, общение, полноценный творческий быт. Цивилизованному человеку требуется комфорт, а ценой такого комфорта оказывается служение техническим новшествам.

Зоной воздействия техники кроме самого человека-производителя оказывается вся наша планета. Возможные опасности, связанные с современными технологиями, – это неожиданные эффекты вновь созданных материалов, изобретений, производств, зачастую агрессивные или скрытые в силу их многофакторности (нанопыль, к примеру); информационный шум, мешающий человеку ориентироваться в социуме; усиление лингвистического воздействия на психику в силу массовости обыденных продуктов интернет-взаимодействий и пр. К примеру, энергосберегающие лампы изготовлены на основе ртутного наполнения. Они начали широко использоваться современным потребителем, но в городах нет пунктов приема вышедших из строя ламп. Они оказываются в мусорных контейнерах. Последствия этого очевидны теоретически, а практически никто не несет ответственности за порушенный иммунитет и увеличение смертности от рака.

Объективно самым последним звеном преобразованной человеком природы стала техническая реальность, созданная им самим. Эта реальность насчитывает историю столь же длительную, как и само человеческое общество. Однако качественно новая плотность техники вызывает особое напряжение технической зависимости человечества от новых технологий. Характеристика инновационной, прецедентной экономики информационного общества такова, что создает потребность в особых символических (абстрактных) свойствах товаров и услуг, заполняя окружающую человека реальность синтетическим спросом на новые технологии, характерные для информационного общества. Искусственно регулируемый спрос провоцирует некую зависимость личности от технической составляющей, сродни потребности в кислороде [см.: 3, с. 107 – 108].

По аналогии: кислородосодержащая атмосфера есть искусственная производная растительного царства, но без этой искусственности нашей природы человечество не имело шансов появиться, так как для его зарождения требуется богатый генофонд фауны, несущей потенциал накала противоречия между организмом и средой, наследственности и изменчивости. Именно развитая биология дает появившемуся человечеству такое «чисто человеческое» качество, как возможность управления своими технологиями.

Если в эволюции, качественном объективном процессе развития атомов и молекул реактивность, управляемость реакций изнутри (с помощью встроенных катализаторов) усиливаются по мере приближения к эталону химической эволюции, – четкой пространственной редупликации [см.: 2, с. 127 – 138], – то в человеческих действиях это управление системой изнутри выглядит как возможность произвола, возможность всегда действовать по собственной воле. Однако, «несмотря на отсутствие в настоящее время детальных представлений о биоинформационных сетевых процессах, не вызывает сомнения сам факт наличия внутри организма инфоструктур, обеспечивающих перенос информации в ее химическом (через кровеносную, лимфатическую и др. сети) и электрическом (через нервную систему) видах» [4, с. 14].

Сравним с недавними периодами взаимодействия техники и человека. Середина XX века. Внедрение широкой автоматизации производства, создание вычислительной техники. Выход в космос. Наряду с выходом в космическое пространство, человек незаметно для себя оказался втянутым в виртуальное пространство, тесно связанное с псевдо-эмоциями, псевдоискусством, иллюзорной коммуникацией.

Конец XX века – начало XXI века: исследования в области био- и нанотехнологий, которые могут привести к очередной революции во многих областях деятельности человека.

Вся предшествующая история, где человек еще мог обойтись без технической зависимости, есть предыстория. Суть настоящего человеческого глобального сообщества есть техническая стабильная зависимость. Человечество наконец-то становится самим собой. И техника ему в этом помогает. Проблема состоит в том, чтобы зависимость как нужду (в технике) устойчиво и закономерно удалось заменить на обретаемую человечеством свободу.

В эпоху информационного могущества технический мир обретает черты целостности, а человек теряет изначальную целостность. Ситуация обратима, пока технический технологический мир, окружающий человека, способен стать очеловеченным. Показатель очевиден, но не используется. Как предупреждал знаменитый «технар» и одновременно философ Никита Моисеев, «определение *границы запретов*, ... параметров “роковой черты”... в допустимых границах изменения параметров биосферы, за которыми биологического рода *Homo sapiens* грозит потеря стабильности и деградация» [5, с. 339]. Если при этом учитывать, что именно социальная система является высшей, наисложнейшей по отношению к природному окружению, то экологические катастрофы лишь проявляют градус разрушения человечности системы. Противоречия между необходимостью технизации и ее разрушительной силой, явленные экологией земли, означают не вред технизации, а ее односторонность, когда могущество человека оказалось вне системной целостности.

Помехой для очеловечивания технической оболочки Земли является сам человек, если он не только передал техническим новинкам свое могущество, но и утратил смысл своего существования и свою техническую сущность, обозначенную Хайдеггером как выход из потаенности [см.: 10, с. 222].

Именно техника совместных действий сделала становящегося человека могучим покорителем природы. Техника и технология приручения животных, выращивания растений, совместной охоты и ритуалов являли собой качественное усиление могущества человека, если ему удавалось соединиться с силами, скрывающимися в социальности.

Через идею синергетики можно наметить причину современного распада гуманитарных связей. Техническое устройство, начиная с колеса и заканчивая объемными принтерами, компьютерами, пр. – это, прежде всего, упорядоченная система, конгломерат. Ошибочный акцент на порядок лишает человека устойчивого интереса к творчеству.

Нам не хватает гуманитарных связей. Гуманитарные связи, по сути, – это «великий хаотизатор», исток бифуркаций. Именно гуманитарная коммуникация обеспечивает связь каждого элемента системы с каждым другим элементом без исключения. По Пригожину, это и есть определение хаоса.

Разрушение гуманитарных связей происходит объективно в результате превращения науки в непосредственную производительную силу. Все новые научные отрасли требуют жесткой профессионализации, результатом которой становится невозможность единой научной культуры в обычных процессах получения образования. Если прежде образованные люди составляли духовную общность, то сегодня спор «между физиками и лириками» уже не является достаточно невинным российским феноменом. Речь идет о возможном антагонизме между гуманитарной культурой, моралью и техническим сознанием большинства. Наука и техника в качестве побочного институционального продукта создают ограниченного технизированного человека. «Одномерному человеку» может быть свойственна техническая универсальность, высокий исполнительский профессионализм – и наивный релятивизм в области морали, выступающий производным от плюрализма знаний. Под релятивизмом Карл Поппер имеет в виду парадигму, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен для тех, кто мыслит на основе убеждения в том, что объективной истины быть не может: «Главная болезнь философии нашего времени – это интеллектуальный и моральный релятивизм. Причем последний, по крайней мере частично, основывается на первом» [8, с. 379].

Плюрализм знаний автоматически не гарантирует универсальности понимания сложных проблем науки, техники, общественной жизни и пр. Плюрализм скорее является шагом назад в объективном развитии научного прогресса, отражая кризис общественных связей. Наука, выступая против метафизики, в лице своих идеологов-позитивистов, обнажает свою конкурентную устремленность на высшие статусы в общественной жизни. В результате любая наука, не имея возможности стать автономной, становится ложно направленной. И гуманитарии, и «технари», и естественники вне единства научной культуры в целом не могут гарантированно стать лидерами общественных институтов. Настоящим лидером оказывается голая сила, техника как инструмент, сама по себе. Человек отодвинут техникой в сторону, задвинут в тень отчужденной силы технического могущества преобразованной природы. А спасительным вектором может стать, на наш взгляд, восстановление единства и гармонии духовного знания в целом. Время плюрализма – это время разрыва гуманитарных связей между человеком и человеком. Исследуя опасность разрыва гуманитарных связей, мы гипотетически предполагаем, что причина скрыта в слабой структурированности эвристического и этического потенциала науки. Именно здесь скрыт резерв воздействия на прогресс науки (для устранения разрывов и разломов гуманитарных связей) со стороны представителей научных учреждений: высших учебных заведений в том числе.

Необходимо научиться противостоять плюрализму, но не через его запрет и замену на единственно правильное, верное учение. Восстановление в правах истины как таковой вернет общественное признание фундаментальным наукам, гуманитарным наукам, философии как квинтэссенции культуры.

Если эвристическую мощь естественных наук не приходится доказывать косвенно, в силу ее прямой очевидности, то гуманитарное знание кажется мало практичным и слабо востребуемым в техническом прогрессе современной цивилизации. Индивидуально-ценностная ответственность профессионалов от науки за ход истории человечества предполагает познание самого себя, личности, социальных институтов, – а это уже собственно гуманитарное знание.

Другими словами, главная функция науки (познавательная) для гуманитарного знания уже не будет тормозить общественное признание этой отрасли науки в качестве полновесного передового участника производительной силы. Гуманитарии в перспективе выходят на высокий уровень общественного признания в случае индивидуально-ценностной переориентации субъектов производства.

«Образование было и остается одним из основополагающих критериев структурирования общества. Гуманитарное образование займет достойное место, очерчивающее границы собственников (интеллектуальных) информационного общества» [6, с. 79].

«В настоящее время интенсивно развивается новая форма материального труда – всеобщий труд. Внешне он имеет сходство с умственным и, как правило, отождествляется с последним» [7, с. 23]. В исторической перспективе оказывается ясным, что сутью всеобщего труда является духовная коммуникация человека с человеком, когда технике внешней противопоставлена технология создания чисто человеческих качеств: чести, совести, любви. Если техника встроенной в Рейн гидроэлектростанции дает необходимое тепло, а энергия атомных взрывов обеспечивает выигрыш в войне, то в глубинном аспекте любая техническая новинка, усиливающая могущество, препятствует возможности разглядеть другого человека с его переживаниями, чувствами. Идет всеобщее отчуждение через технизацию человека. Прежде всего, надо отметить, что знания инженеров, несмотря на внутреннюю глубину и профессиональную культуру среднестатистического представителя этой общности, в целом разрознены. Это вызвано особой востребованностью того знания, что используется в инновационных технологиях, которое позволяет получить прибыль быстро [1, с. 18].

Неустойчивость общества есть прямой результат переворачивания с ног на голову: основные организаторы процесса труда не контролируют не только отдаленный целостный результат глобализации социума, но даже и собственные социальные структуры. Разрушение гуманитарных связей означает разрыв коммуникации, потерю социальной (высшей по сложности и производительной силе) энергии, причину глобальных техногенных катастроф. И эти опасности кроются в субъективных искажениях развития науки. «Отсутствует социальный институт под названием «Инженер». Имеет место

лишь специализация в этом образовании, причем взамен объективного социального института его роль пока несут на себе такие специально организованные союзы, как АИОР (Ассоциация инженерного образования России), Соглашения международного семинара (ISO/IWA) и руководства ИСО (ISO Guides). Их недостаток не только в искусственно субъективном начале, но и в узко территориальной или узко профессиональной ограниченности. Конечно, такие организации необходимы, эффективны и перспективны. Однако объективный социальный институт инженеров не совпадает с этими организациями ни по задачам, ни по функциям» [11, с. 80].

Чтобы технокатастрофы не стали привычным вывихом процесса технизации информационного общества, включение моральных норм в сугубо профессиональную деятельность ученого не только возможно, но и необходимо. «Трансформируется идеал ценностно нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человеко-размерным» объектам не только допускается, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [9, с. 365].

Хочется подчеркнуть, что свобода человека является следующим этапом развития человечества. Она достигается тогда, когда нормами, критериями профессиональных и других статусных успехов становятся не технико-технические показатели (скорости, силы, эффективности), а отслеживание интересов социальной системы, лидером и организатором которой является каждый участник. Духовные ценности могут защитить институт науки от опасностей технизации, а человечество обретет прогрессивный вектор ускоренного развития производительных сил.

Список литературы

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3 – 19.
2. Барг О. А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. – 166 с.
3. Ермаков М. А. Новая формация: бесклассовое общество, или информационный капитализм // Власть. – 2013. – № 9. – С. 106 – 110.
4. Комашинский В. И., Орлов С. В. Философия инфоэволюционного подхода к стратегиям дальнейшего развития технологий пост-NGN // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 2 (4). – С. 11 – 20. [Электронный ресурс]: <http://fikio.ru/?p=1104> (дата обращения 25.12.2014).
5. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
6. Оконская Н. К. Технизация человека в синергетическом аспекте // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2013. – №8 (47). – С.72 – 82.
7. Орлов С. В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. –

2013. – № 1 (1). – С. 11 – 25. [Электронный ресурс]: <http://fikio.ru/?p=159> (дата обращения 25.12.2014).

8. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. – М.: Прогресс. – 1983. – 605 с.

9. Стёпин В. С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.

10. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика. – 1993. – С. 221 – 238.

11. Trushkov Y. Y., Okonskaya N. K. “Dust in the Eyes”. Converging Technologies. // Middle East Journal of Scientific Research. – UAE, Dubai: IDOSI Publications L.L.C. – 2014. – Vol. 21 (1). – pp. 76 – 83.

References

1. Agazzi E. The Idea of a Society Based on Knowledge [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3 – 19.

2. Barg O. A. Philosophic Problems of Chemistry: the Concrete Universal Approach [*Filosofskie problemy khimii: konkretno-vseobshchiy podkhod*]. Perm, Izdatelstvo permskogo universiteta, 2006, 166 p.

3. Ermakov M. A. The New Formation: a Classless Society or Information Capitalism [Novaya formatsiya: besklassovoe obschestvo, ili informatsionnyy kapitalizm]. *Vlast* (Power), 2013, № 9, pp. 106 – 110.

4. Komashinskiy V. I., Orlov S. V. The Philosophy of Infoevolutional Approach to the Strategies of Further Post-NGN Technologies Development [*Filosofiya infoevolyutsionnogo podkhoda k strategiyam dalneyshego razvitiya tekhnologiy post-NGN*]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, pp. 11 – 20. Available at: <http://fikio.ru/?p=1104> (accessed 25 Decemner 2014).

5. Moiseev N. N. The Man and the Noosphere [*Chelovek i noosfera*]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1990, 351 p.

6. Okonskaya N. K. Technisation of Human in the Synergetic Aspect [*Tekhnizatsiya cheloveka v sinergeticheskom aspekte*]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* (Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture, History, Philosophy, Right), 2013, №8 (47), pp.72 – 82.

7. Orlov S. V. Philosophy of the Information Society: New Ideas and Challenges [*Filosofiya informatsionnogo obschestva: novye idei i problemy*]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, pp. 11 – 25. Available at: <http://fikio.ru/?p=159> (accessed 25 Decemner 2014).

8. Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. Selected Works [*Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty*]. Moscow, Progress, 1983, 605 p.

9. Stepin V. S. History and Philosophy of Science: A Textbook for Graduate Students and Candidates of Science Degree [*Istoriya i filosofiya nauki: Uchebnik*

dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata nauk]. Moscow, Akademicheskiy proekt, 2014, 424 p.

10. Heidegger M. The Question Concerning Technology [Vopros o tekhnike] *Vremya i bytie* (Time and Being). Moscow, Respublika, 1993, pp. 221 – 238.

11. Trushkov Y. Y., Okonskaya N. K. “Dust in the Eyes”. Converging Technologies. *Middle East Journal of Scientific Research*, 2014, Vol. 21 (1), pp. 76 – 83.

УДК17.022+304:32.019.51

Информационные войны: аксиологический аспект*

Бурова Мария Леонидовна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Е-mail: marburova@yandex.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
тел: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Анализ проводимых в последние годы исследований информационных войн позволяет рассматривать этот концепт в узком, военно-техническом, и в широком смысле, как столкновение ценностей и оценок и как рациональную деятельность, направленную на изменение ценностного сознания.

Результаты: Информационная война и идеологическая борьба различаются по целям, длительности, вовлеченным в них уровням общественного сознания. Информационная война в широком, философском смысле – это рациональная деятельность ради реализации интересов и целей во имя определенной системы ценностей, при которой своеобразным нематериальным или виртуальным театром военных действий является культура, история и самосознание людей. В то же время конечной целью такой войны могут быть материальные приобретения или потери. Сфера бытия, где ведутся информационные войны, является продуктом деятельности субъектов и результатом их коммуникации и иллюзорно воспринимается как наиболее ценная. Ценностное сознание человека, его рефлексия и переживание подвергаются целенаправленным идеологическим воздействиям со стороны СМИ и Интернет.

Область применения результатов: Систему образования необходимо дополнить идеологическим воспитанием с учетом традиционных национальных культурных и государственных ценностей.

Выводы: Позиции сторон в информационной войне усиливает наличие определенной устойчивой идеологии.

Ключевые слова: информационная война; идеологическая борьба; реальность; ценность; ценностное сознание; иллюзорность и действительность; рациональная деятельность.

* © М. Л. Бурова, 2014.

Information Warfare: the Axiological Aspect

Burova Maria Leonidovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, associate professor, Ph.D., Saint Petersburg, Russia.

E-mail: marburova@yandex.ru

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,

tel: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Background: The analysis of information warfare research carried out in recent years allows us to consider the concept in a narrow, military-technological, and in a broad sense, as a clash of values and assessments and as rational activity aimed at changing value consciousness.

Results: Information war and ideological struggle are different in the objectives, duration, levels of social consciousness. Information war in a broad philosophical sense is rational activity in order to realize some interests and aims for the sake of a definite system of values, with the culture, history and human consciousness being its non-material or virtual theatre of war. At the same time material acquisitions and losses can be the final goal of such a war. The realm, where information wars are waged, is the result of subject activity and their communication. It is illusory considered to be the most valuable. The media and the Internet directly influence human value consciousness, their reflection and experience.

Research implications: The education system needs to be complemented with ideological education with regard to traditional, cultural and national values.

Conclusion: The presence of coherent ideology reinforces the position of the parties in information war.

Keywords: information warfare; ideological struggle; reality; value; value consciousness; illusion and reality; rational activity.

С проявлениями информационных войн мы сталкиваемся в последние годы все чаще, и это вызвало необходимость разносторонних интенсивных исследований в данной области. История термина «информационная война» начинается с середины 80-х годов прошлого века в связи с новыми задачами вооружённых сил США после окончания «холодной войны» (в разработках группы военных теоретиков США Г. Эклза, Г. Саммерза и др.), после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 году термин стал активно употребляться [см.: 3, с. 9].

В узком смысле использование данного термина предполагает прежде всего возможность влиять на технические системы и массивы информационных данных. Помимо данного термина используются также понятие «сетцентристские войны» в рамках разработанной в конце 90-х годов прошлого века концепции военных теоретиков США А. Себровски и Дж. Гарстка. Здесь на первый план выходит новая система управления, что

повышает быстроту действий и возможность самосинхронизации. Близким является понятие «кибервойна» (война, ведущаяся в виртуальном пространстве), предполагающее воздействие на компьютерные системы и серверы, в том числе и путем активации и внедрения вирусов [см.: 3, с. 10].

Главную часть содержания понятия «информационные войны» составляют, таким образом, действия, направленные на изменение информации. Ряд исследователей обоснованно обращает внимание на несоответствие положения в данной сфере у нашего государства вызовам и угрозам современности, прежде всего на техническом уровне. Так, отсутствие национальной индустрии производства современной вычислительной техники и средств коммуникации, отставание в развитии информационных технологий, отмечает Устюгов С. В., приводит к использованию в экономике и государственном управлении импортного оборудования. Последнее может содержать вредоносные программы и создавать угрозу вывода систем управления из строя в кризисной ситуации [см.: 10, с. 24].

Однако представляется возможным рассмотрение данного понятия не только как военно-технического термина, но и как концепта со смысловым и образным содержанием. Информационное противоборство может быть обнаружено в любом сообщении или интерпретации исторического события. В широком смысле информационная война, при которой сталкиваются ценности и оценки, мировоззренческие установки, сопровождает человечество, начиная с мифологической эпохи. В исторических источниках, литературных жанрах можно встретить противоположное истолкование культурного или социального явления, апологию и критику. С ускорением исторического времени и изменением масштаба истории, с появлением техники изменяется характер социальных действий, в том числе реальных и информационных войн.

Значение в этом концепте военной составляющей подчеркивает смысловая и образная связь с другими понятиями (с определением «информационный») со скрытой положительной или негативной оценкой. Наиболее часто здесь применяются понятия: агрессор, жертва, атака, защита, безопасность, противоборство, маскировка, оружие, бомбы, мины. В этом концептуальном поле выявляются субъекты и объекты действия, противоборство-взаимодействие, средства и методы, в том числе психологические. Информационные войны планируются и ведутся по определенному сценарию, то есть содержат стратегию и тактику, и приводят к эффективным реальным экономическим и политическим следствиям. В анализе этапов таких войн от поиска недовольства у манипулируемой группы до возможного свержения власти и хаоса отмечаются такие стандартные ходы, как создание искусственных уязвимостей, их усиление и привязка к активным уличным действиям, вброс катализирующей информации, наличие «ритуальной жертвы» и доведение информации до каждого члена выбранного социума [см.: 4, с. 19 – 20]. Таким образом, в информационной войне наблюдается определенная последовательность действий, наличие участников-деятели, совокупность используемых целей и средств, что позволяет рассматривать информационную войну как рациональную деятельность. Поскольку любая рациональная

деятельность ведется ради реализации интересов и целей и во имя ценностей, то территорией или театром данной войны (воспользуемся устоявшимся термином) является культура, история и самосознание людей. Информационная война ведется с целью расшатывания системы ценностей через воздействие на ценностное сознание, хотя конечным ее итогом могут стать материальные приобретения или потери.

Не стоит отождествлять информационную войну и идеологическую борьбу. Идеология как комплексная система ценностей укореняется и прорастает столетиями, в одном обществе могут сосуществовать различные идеологии, наиболее устойчивые ценности трансформируются и входят в новую идеологическую систему. Теоретическое оформление обычно запаздывает и происходит в системе терминов и суждений на основе сложившихся образов и оценок. В этом смысле идеологическая борьба носит научно-теоретический характер и в силу своей рациональности, аргументированности и сложности не очень известна и понятна обычному человеку. Информационные войны скорее соответствуют психологическому уровню сознания, куда спускаются образы и символы, доступные для массового восприятия и достаточно примитивная бездоказательная риторика. Но образы, символы выступают как способы означивания смыслов, борьба образов выступает как конкуренция смыслов, а риторика может содержать в себе чуждый дискурс. Идеологическое противостояние приобретает не «надстроечный», а подсознательный характер. Вместо спора и разъяснения на основе знания подставляется восклицание-мнение. Можно сказать, что идеологическая борьба напоминает длительную осаду во имя абсолютной победы, а информационная война – короткие атаки для воздействия на моральный дух, то есть носит служебный характер.

Всякая система ценностей онтологична, разделение ценностей на абсолютные и относительные, социальные и духовные, религиозные, эстетические и нравственные отсылает нас к определенной сфере бытия и его вертикальной иерархии. Традиционно отношение между сферами бытия (Бог – природа – человек – культура) рассматривается в рамках неравенства высшего – низшего, лучшего – худшего, истинного – ложного, действительного – иллюзорного. Это придает порядок и устойчивость существованию человека, хотя и не исключает возможных инверсий и перестановок. Наиболее релятивными оказываются социальные ценности, поскольку область социальных отношений неустойчива, то именно здесь чаще всего разворачиваются идеологические битвы, касающиеся сущности свободы, справедливости, реформ. В этой же сфере ведутся вполне успешно информационные войны, что подробно проанализировано П. Бьюкененом в работе «Смерть Запада».

Появление виртуальной реальности позволило человеку утвердить новое отношение с миром, почувствовать превосходство над действительной жизнью, расширить сферу своей свободы и творчества [см., например: 5; 6; 7; 8]. Кажется, что благодаря информационным технологиям происходит полное воплощение либеральной идеи. Изначально в этом глобальном

информационном пространстве царствует то, что принимают за свободу: случайность, многозначность и неопределенность в оценке.

Неоднородность виртуальной реальности позволяет рассматривать ее как производную от деятельности субъектов и как пространство-время их коммуникации. С одной стороны, это продукт масс-медиа, осуществляющих однонаправленное воздействие на определенную целевую или массовую аудиторию, с другой стороны – это сеть Интернет с его множественными взаимодействиями и ссылками, где каждый может найти информацию, соответствующую познавательным интересам и вкусу. Современное информационное пространство представляет собой бесконечное горизонтальное поле деятельности множества субъектов (отдельных лиц, корпораций, государств). Время коммуникации в этой реальности всегда настоящее, «точка-теперь». (Если тебя нет сейчас в Сети, то ты и не общаешься, если ты выключил телевизор, то ты ничего не воспринимаешь).

В первом случае есть иллюзия, видимость всезнания, управления и контроля, во втором – иллюзия активности и свободы. Но иллюзорное принимается за действительное. Тем самым субъективная, виртуальная, созданная техническими средствами реальность приобретает значимость, оценивается как высшая, лучшая, истинная, и любая часть этого нового целого, созданная отдельным участником или общностью (близкой ему группой лиц), имеет для него те же свойства. Происходит процесс сакрализации виртуального существования и, в соответствии с принципом иерархии, десакрализации жизни. Объективно же процесс взаимодействия социальной и виртуальной реальности представляет собой взаимный обмен знаниями, ценностями, идеологическими воззрениями. Не забудем, что субъектом социальной и виртуальной деятельности является человек.

Как обстоит дело с ценностным сознанием? Каждый из субъектов вправе иметь собственную позицию; ее восприятие, осознание, переживание и оценка являются условием и реализацией коммуникации этих субъектов, создания и познания информации. Но рефлексия требует времени, равно как и процесс доказательства или критики. В реальных условиях процессы восприятия и осознания затруднены скоростью потоков информации, большими массивами данных, мозаичностью их представления адресанту. Особенно стоит обратить внимание на действия «четвертой власти». Создается впечатление, что СМИ просто соревнуются, кто раньше и быстрее передаст сообщение безотносительно к его истинности, «ошарашивают темпом». Так, часто новости подаются в порядке, не предназначенном для их адекватного восприятия, понимания (видеоряд не совпадает с бегущей строкой или комментариями). При такой скорости восприятия «проглатывается» любая ложь. Если же сообщение более развернутое, то оно уже содержит определенную навязываемую интерпретацию, позицию канала или журналистов, маскируется под авторитетное высказывание. Потребление такой «убеждающей» информации некритично.

Как отмечают Раскин А. В., и Тарасов И. В., «механизм информационного воздействия основан на манипуляции сознанием человека. Цель манипуляции

заключается в управлении образным восприятием действительности, ... формируется реакция на поступающую информацию. При этом поступающим сообщениям придается видимость правдоподобия.

В конечном итоге задача информационного воздействия сводится к навязыванию объекту управления вариантов дальнейшего развития событий, “подсказке” как поступить, какой сделать выбор» [9, с. 16]. Значит и оценка информации оказывается интуитивно и логически неверной.

Но проблема не только в новостной информации. Создаваемые нашими же СМИ продукты часто несут в себе отрицание собственной истории и культуры. Стоит назвать копируемые с западных образцов бесчисленные сериалы, совершенно не соответствующие реальным событиям, дающие ложные представления об исторических лицах. Это многочисленные экранизации классики, где от первоисточника остается разве что название, это фантастические приключения героев в Великой Отечественной войне. Все это отражает постклассическую рациональность с ее методологическим анархизмом и плюрализмом. Бесконечный субъективизм предполагает столько истин, сколько авторов, исследования заменяются воображением. Отдельные каналы специализируются либо на развлечении публики, либо на ее запугивании. Свобода интерпретации должна предполагать какую-то моральную ответственность. Еще опасней рекламное воздействие с призывом к удовольствиям, потреблению, порождающее жажду развлечений и безразличие к тому, что не соответствует заданному образцу. Тем самым осуществляется тотальная власть над умами и душами. Нормой в подаче информации современными СМИ, отмечает Карякин В. В., «является формирование потребительских потребностей населения, отрицание социальной ответственности личности перед обществом, пропаганда преобладания её прав над соблюдением морально-нравственных и этических норм. Всё это способствует примитивизации информационно-культурных запросов населения и снижению интеллектуального потенциала нации в целом» [2, с. 34]. Представление жизни как шоу и вечного праздника не способствует появлению у человека должной оценки производительного труда, научного поиска и художественного творчества. Также уменьшается и способность к рефлексии.

Чтобы переживать, необходимо сопоставить себя с другим, мысленно встать на его место, проявить эмоциональную реакцию. Но и здесь самостоятельность реципиента не поощряется, напротив, материал (видеоряд и комментарии) может подаваться с последовательным нагнетанием тревожности. Вполне здоровой реакцией может стать недовольство содержанием, эмоциональная усталость и желание прекратить поток информации со стороны СМИ, просто выключив приемник.

Гораздо изощренней идет воздействие через сеть. Основной группой, на которую оно оказывается, является молодежь, зачастую не имеющая жизненного опыта, способности к самокритике, но обладающая обидами, амбициями, невозможностью их быстро удовлетворить. Очень часто сходство позиций молодых людей проявляется в критике, неприятии традиций и

ценностей общества. Собственно, любая «культурная революция» делает ставку на маргинальные слои населения, которые готовы отринуть ценности.

Как отмечает Карякин В. В., значительная прослойка в современном обществе, «новые люмпены», – «деклассированные представители социума с утерянными социальными и конфессиональными корнями, без чётких нравственных принципов, политических ориентиров и исторической памяти. Получив образование, но не найдя применения своим силам и способностям, такие люди находятся в постоянном поиске своего места в жизни. У них зачастую отсутствует внутренний моральный стержень и социальная ответственность за судьбу своей страны. Поэтому неудивительно, что под влиянием атмосферы социальных сетей такие люди попадают под влияние политтехнологов “цветных революций”...» [2, с. 32 – 33]. Добавим, что воздействие может быть не только политическим, но и религиозным.

Можно заметить, что даже ненаправленные информационные потоки деформируют мир ценностей отдельного человека и воздействуют на его отношение к миру и другим людям. Если же мы находимся в ситуации «информационной войны», воздействие будет целенаправленным и интенсивным. Телевизор, мобильный телефон, компьютер могут стать средствами «перепрограммирования» человека, информационная война способна сделать из либерала националиста, фашиста или религиозного фанатика, или вернуть его к мифологическому мироощущению, особенно если общество находится в ситуации экономического, социального или политического кризиса. Еще в 1990 г. Р. Дарендорф писал о возможности периодов всеобщего хаоса и дезориентации, в рамках которого он предвидел наступление фашизма. Под фашизмом он понимал «сочетание ностальгической идеологии общины, делящих всех на своих и чужих, новой политической монополии, устанавливаемой человеком или “движением”». Причиной его он видел «подъем национализма, связанный ...со стремлением к этнической однородности и отторжению чуждых элементов» [1, с. 99]. Можно признать его правоту в свете событий в сопредельном государстве, где подобные настроения нарастают не только в правящей верхушке, но постоянно транслируются СМИ, создавая негативное отношение ко всем инакомыслящим.

Возможно, что проект свободы (неважно, сколько «свобод» он в себя включает) изживает сам себя в условиях глобального мира, оборачиваясь «новым тоталитаризмом». Очевидным является возврат к «идеологизации». Если общество не думает о своей идеологии, оно столкнется с давлением чужой. Необходимо обратить внимание на подрастающее поколение и при помощи системы уже школьного образования формировать историческое знание, патриотизм, нравственные принципы, умение самостоятельно мыслить и отстаивать свою правоту. Очень трудно провести грань между воспитанием и манипулированием, сомнением и неверием, если нет четкой идеологической основы. Заимствование и смешение элементов чуждых для нашей культуры и истории идеологий (чего стоит политкорректность и мультикультурализм) не решает проблему, напротив, может создаться неожиданная взрывоопасная смесь. Возможно, такой идеологией мог бы стать консерватизм, который

выражал бы следующие требования: сохранение культуры и исторического наследия, самотождественность и достоинство народа как целого, а не просто отдельной изолированной личности и утверждение государственных интересов. А распространение таких принципов усилило бы наши позиции в информационной войне.

Список литературы

1. Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. – 1994. – №6. – С. 37 – 127.
2. Карякин В. В. Стратегии не прямых действий, «мягкой силы» и технологии «управляемого хаоса» как инструменты переформатирования политических пространств // Информационные войны. – 2014. – №3 (31) – С. 29 – 38.
3. Микрюков В. Ю. Информационные войны // Информационные войны. – 2014. – №2(30). – С. 9 – 14.
4. Нежданов И. Ю. Аналитическое обеспечение информационных конфликтов в Интернете // Информационные войны. – 2014. – №2 (30). – С. 18 – 20.
5. Орлов С. В. Философский материализм в эпоху информационного общества (концепция материи и виртуальная реальность) // Философия и общество. – 2012. – №1. – С. 42 – 54.
6. Орлов С. В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – №1. – С. 11 – 25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fikio.ru/?p=159> (дата обращения 30.11.2014).
7. Орлов С. В. Виртуальная реальность как новая форма материального бытия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – №2. – С. 82 – 87. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=658> (дата обращения 30.11.2014).
8. Пекарникова М. М. Генерирование индивидуального виртуального пространства: психологический аспект // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 1. – С. 95 – 104. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=969> (дата обращения 30.11.2014).
9. Раскин А. В., Тарасов И. В. Рефлексивное управление как технология информационного воздействия // Информационные войны. – 2014. – №2. – С. 15 – 17.
10. Устюгов С. В. К вопросу об информационной ситуации, складывающейся вокруг Российской Федерации на фоне событий в Украине // Информационные войны. – 2014. – № 3 (31) – С. 23 – 28.

References

1. Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe [Razмышshleniya o revolyutsii v Evrope]. Put (The Way), 1994, №6, pp. 37 – 127.
2. Karjakin V. V. Strategies of Indirect Action, "Soft Power" and Technologies of "Controlled Chaos" as Political Space Reformatting Instruments [Strategiya

nepriamyh deystviy “myagkoy sily” i tehnologii “upravlyaemogo haosa” kak instrumenty pereformatirovaniya politicheskikh prostranstv]. *Informatsionnye voyny* (Information warfares), 2014, №3, pp. 29 – 38.

3. Mikrjukov V. U. Information Warfares. [Informatsionnye voyny]. *Informatsionnye voyny* (Information Warfares). 2014, №2, pp. 9 – 14.

4. Nezhdanov I. U. Analitical Support Information Conflicts on the Internet [Analiticheskoe obespechenie informatsionnykh konfliktov v Internetе]. *Informatsionnye voyny* (Information Warfares). 2014, №2, pp. 18 – 20.

5. Orlov S. V. Philosophical Materialism at the Epoch of Information Society (Conception of Matter and Virtual Reality) [Filosofskiy materializm v epokhu informatsionnogo obschestva (kontseptsiya materii i virtualnaya realnost)]. *Filosofiya i obschestvo* (Philosophy and Society), 2012, №1, pp. 42 – 54.

6. Orlov S. V. Philosophy of the Information Society: New Ideas and Challenges [Filosofiya informatsionnogo obschestva: novye idei i problemy]. *Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, №1, pp. 11 – 25. Available at: <http://fikio.ru/?p=159> (accessed 30 November 2014).

7. Orlov S. V. Virtual Reality as a New Form of Material Being [Virtualnaya realnost kak novaya forma materialnogo bytiya]. *Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, №2, pp. 82 – 87. Available at: <http://fikio.ru/?p=658> (accessed 30 November 2014).

8. Pekarnikova M. M. Generating Individual Virtual Space: the Psychological Aspect [Generirovanie individualnogo virtualnogo prostranstva: psikhologicheskiiy aspekt]. *Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, №1, pp. 95 – 104. Available at: <http://fikio.ru/?p=969> (accessed 30 November 2014).

9. Raskin A. V, Tarasov I. V. Reflexive Control As an Information Impacts Technology [Refleksivnoe upravlenie kak tehnologiya informatsionnogo vozdeystviya]. *Informatsionnye voyny* (Information Warfares), 2014, №2, pp. 15 – 17.

10. Ustyugov S. V. On the Informational Situation Around the Russian Federation on the Background of the Events in Ukraine [K voprosu ob informatsionnoy situatsii, skladyvayuchsheysya vokrug Rossiyskoy Federatsii na fone sobytiy v Ukraine]. *Informatsionnye voyny* (Information Warfares). 2014, №3, pp. 23 – 28.

УДК 13(130.2)

Язык и сознание в философии Дж. Сёрля*

Исаков Александр Николаевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра философской антропологии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: aisakow@mail.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9,
тел.: +7 921 655 67 99.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В современной философии можно наблюдать встречное движение мысли, с одной стороны – от аналитики языка к новому пониманию сознания, а с другой – в обратном направлении, от феноменологии сознания к прагматической теории языка. Интересно, что обе интеллектуальные стратегии приходят к достаточно похожим результатам в виде идеи коммуникативной рациональности.

Результаты: Можно выделить три понятия сознания в философии языка Дж. Сёрля.

1. Сознание как «сечение в мире», граница между «значимым» и «незначимым».
2. Сознание как коллективная интенциональность, источник институциональных фактов в широком смысле.
3. Сознание личности, производящее особый класс институциональных фактов – «обещаний/обязательств» – значимых исключительно с позиции первого лица.

Область применения результатов: Актуальное исследование социальной реальности и рационального человеческого действия предполагает соединение анализа языка и анализа сознания в единой познавательной стратегии.

Выводы: На всех этапах развития своей теории для Сёрля принципиально важна идея тождества логической структуры языка и сознания.

Ключевые слова: Сёрль; сознание; интенциональность; философия языка; социальная реальность; рациональность.

Language and Consciousness in the Philosophy of John R. Searle

Isakov Alexander Nikolayevich – Saint Petersburg State University, Department of Philosophy, Ph. D., Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

e-mail: aisakow@mail.ru

7–9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia,

* © А. Н. Исаков, 2014.

tel.:+7 921 655 67 99.

Abstract

Background: There is a possibility to observe the counter-movement of thought in modern philosophy. On one hand – from the dimension of language to the new understanding of consciousness, and on the other, in the opposite direction – from the phenomenology of consciousness to the pragmatic philosophy of language. It is symptomatic that both strategies share the idea of communicative rationality.

Results: There are three general concepts of consciousness in J. R. Searle's philosophy of language.

1. Consciousness as "a cross-section of the world," the boundary between "significant" and "insignificant."

2. Consciousness as collective intentionality, the source of institutional facts in general sense.

3. Personal consciousness which produce a special class of institutional facts – "promises / commitments" – significant only in the first person terms.

Research implication: A topical study of social reality and rational human action involves the connection of language analysis and analysis of consciousness in the single cognitive strategy.

Conclusions: Throughout the development of the theory of Searle, it, in contrast to the position of Frege and Wittgenstein, came from the idea of the identity of the logical structures of language and consciousness.

Keywords: Searle; consciousness; intentionality; philosophy of language; social reality; rationality.

В современной философии можно наблюдать любопытное встречное движение мысли, с одной стороны, от аналитики языка к новому пониманию сознания (Поздний Витгенштейн, Д. Остин, Д. Сёрль, Д. Деннет), а с другой, в обратном направлении – от феноменологии сознания к прагматической теории языка (К.-О. Апель, Ю. Хабермас). Интересно, что обе интеллектуальные стратегии приходят к достаточно похожим результатам в виде идеи коммуникативной рациональности, предписывающей человеческому поведению, и в первую очередь – языковому, этическое значение. Позиция Сёрля интересна также с точки зрения постепенного расширения понятия сознания от некоторого минималистского допущения до идеи свободной личности, наделённой свободной волей и самосознанием. Сёрль исходит из теории речевых актов Д. Остина, согласно которой речевой акт представляет собой образец человеческого поведения вообще и является действием в тройном смысле. Во-первых, это локутивный акт, отсылающий к какому-либо положению дел в мире (референция), во-вторых, это иллокутивный акт, т. е. непосредственное языковое действие, обращённое к широкому конвенциональному базису коммуникации (перформатив: приказ, просьба, обещание и т. п.) и, в-третьих, это перлокутивный акт, сообщающий некоторый смысл и предполагающий взаимопонимание в более узком, не конвенциональном аспекте. Оригинальность Сёрля состоит главным образом в его теории значения, опирающейся на идею интенциональности речевого акта.

Каждое речевое действие, с этой точки зрения, выражает некоторое интенциональное состояние сознания – убеждение, намерение или желание – и таким образом обладает производной от этого состояния сознания интенциональностью, т. е. оно имеет направленность на те же факты и положения дел. Но кроме указанной репрезентативной интенциональности, направленной на мир, речевой акт обладает интенциональностью другого рода, а именно, интенциональностью так называемого «намерения значения». Последняя направлена не на мир, а на границу между значащими и не обладающими свойством значения фактами мира. Иначе говоря, на границу между языком в его физическом обличье акустических артикуляций и другими объективными фактами мира. Благодаря «намерению значения», речевой акт ничего не репрезентирует, но как бы предъясвляет или, как пишет Сёрль, презентует некоторую логическую (по мысли Сёрля) структуру, которая, во-первых, принадлежит сознанию, а во-вторых, делает возможным приписывать интенциональность звукам, линиям и другим способам овеществления языка. В данном случае Сёрль, как нам представляется, уточняет известное положение Витгенштейна, высказанное им в «Трактате»: «Предложение может изображать всю действительность, но не в состоянии изображать то общее, что у него должно быть с действительностью, чтобы оно могло изображать её – логическую форму» [2, с. 25], и далее: «Предложение показывает логическую форму действительности. Оно предъясвляет её» [2, с. 25]. Иначе говоря, язык выражает факты мира в силу того, что он обладает тождественной с ним логической структурой, сама же эта структура не выражима в языке. Сёрль как бы опосредует указанную позицию Витгенштейна своим допущением сознания. Не мир как таковой, но только особые факты мира, а именно ментальные состояния, наделённые интенциональностью, обладают логической структурой. Как пишет Сёрль в своей главной работе: «Интенциональность отличается от остальных биологических феноменов тем, что обладает логической структурой...» [6, с. 121]. И в другом месте: «Интенциональные состояния наделены логическими свойствами в силу того, что они суть репрезентации; смысл в том, что состояния эти, подобно лингвистическим сущностям, могут обладать логическими свойствами таким образом и с тем успехом, с каким камни и деревья ими обладать не могут.... Поскольку интенциональные состояния, подобно лингвистическим сущностям и в отличие от камней и деревьев, суть репрезентации» [6, с. 121]. Описанная концепция значения позволяет философии языка безболезненно, как полагает Сёрль, опереться на допущения сознания. Дело в том, что сознание в данном случае не представляет собой какой-то особый регион фактов, но есть лишь некоторое, говоря языком математики, «сечение» в мире однородных в своей дискретности фактов. Однако, с другой стороны, только посредством этой линии язык чем-то отличается от других физических событий. Иначе язык был бы просто ещё одним видом информационного процесса. Критикуя теорию искусственного интеллекта и когнитивистскую редукцию сознания к его информационному аналогу, Сёрль указывает на принципиальную нередуцируемость и нерепрезентативность сознания, поскольку, как мы видели, сознание не есть

особый факт мира, но лишь линия на его поверхности. Но, в конце концов, как отмечает Сёрль в книге «Открывая сознание заново», главный недостаток тех, кто не допускает сознание, состоит в том, что они не допускают сознание. Сёрль хочет сказать этой тавтологией, что допущение сознания есть простой естественный жест, который, с одной стороны, ведёт к более ясной концепции значения, а с другой – позволяет ответить на простой вопрос: если мы, подобно Витгенштейну, начинаем с оппозиции Язык и Мир, то почему Язык? Однако в ходе дальнейшей эволюции теории Сёрля его понимание сознания существенно усложняется.

Мы остановимся на двух, как нам представляется, наиболее существенных моментах этой эволюции, представленных двумя его работами: «Конструирование социальной реальности» (1995) и «Рациональность в действии» (2001). В основе социальной реальности, по мысли Сёрля, лежит способность людей в процессе совместной деятельности налагать на грубые факты мира (т. е. неодушевленные факты) режим некоторой идеальной целесообразности или, как выражается Сёрль, назначать статус-функции. Таким образом, люди создают на поверхности грубых физических фактов новую реальность, состоящую из «институциональных фактов». За этой новой реальностью стоит, во-первых, присущая человеческому сообществу (как результат биологической эволюции) коллективная интенциональность или «Мы интенциональность», а во-вторых, то, что Сёрль называет «конструктивными правилами» [см.: 7]. Последние имеют логическую форму: «Х нужно считать У в контексте С». Наличие конструктивных правил отличает человеческую социальность от коллективного поведения животных. Если последнее подчинено инстинкту, и его вариативность ограничена, то люди творчески конструируют свою реальность, используя соглашения, но, главное, практикуя свободные игровые формы поведения на основе «конструктивных правил». По мысли Сёрля, эти правила функционируют наподобие языковых игр Витгенштейна, т. е. они достаточно гибкие, никогда не осознаются полностью, как фиксированные контракты, и способны творчески изменяться в процессе своего последовательного применения (итерирования). В результате, возникают непредсказуемые нелинейные эффекты таким образом, что правила, служащие изначально поддержке институциональных фактов, могут их же и разрушать – например, правила денежного обращения и крах денежной системы. Именно так люди создают и разрушают институциональные факты своего мира. С точки зрения Сёрля, принципиально важно, что все институциональные факты являются фактами, зависимыми от языка. Отметим, что интерпретация этой зависимости – один из наиболее тонких моментов в теории Сёрля. Суть сильной лингвистической зависимости заключена, по мнению Сёрля, в природе конструктивных правил – «Х есть У в С». Здесь Х есть грубый факт мира, скажем, черта на земле или линия камней, а У – идеальный факт коллективного сознания, например, граница между двумя общинами. Для того чтобы правило успешно действовало, оно должно быть репрезентировано в форме коллективной интенциональности. Но язык и является, по сути, единственной такой формой, в которой грубые факты мира могут быть соотнесены с фактами

коллективного сознания, поскольку язык и сознание тождественны по своей логической структуре, как мы это видели раньше. Другими словами, на том основании, что в речевых актах презентуется логическая структура состояний сознания, Сёрль делает вывод, что эти же речевые действия способны репрезентировать отношение грубых фактов и фактов коллективного сознания значимым для этого сознания образом. Обратим внимание, что в своей работе, посвящённой социальной реальности, в отличие от «Интенциональности», Сёрль, вводя понятие коллективной интенциональности, тем самым приписывает сознанию статус особой фактичности, а именно фактичности институциональной реальности коллективного сознания, но при этом продолжает настаивать на логическом тождестве языка и сознания [см.: 7]. Таким образом, теоретическая стратегия Сёрля меняется. Сознание – это всё-таки особый регион фактов (институциональных), но эта его особенность не имеет специального логического статуса. С точки зрения логики, эти факты сознания имеют ту же логическую размерность (значимость), что и любые другие факты языка, т. е. грубые факты мира, наделённые значением, поскольку создаются в условиях принципиальной зависимости, всякой совместной деятельности от языка. Вне языка не возможна, с точки зрения Сёрля, ни общезначимая мысль, ни совместное действие. Можно сказать, что здесь в теорию Сёрля проникает осязаемый дух кантовской мысли, обнаруживающей необходимость как закон координации двух случайностей. В данном случае случайно коллективное сознание, взятое само по себе (так сказать, онтологически), также случайны грубые факты нашего мира, их физический масштаб и размерность, но необходимым является взаимосвязь того и другого в институциональной реальности человеческой жизни, и способом предъявления этой необходимости является язык. Важно, что язык, с точки зрения такого понимания, не содержит в себе закон «предустановленной гармонии», но сам по себе есть особого рода практика, игра, в которой некоторая гармония предъявляется как становящаяся в процессе совместной деятельности и её истории.

Данный ход мысли получает дальнейшее развитие и даже некоторую форму теоретической рефлексии в работе «Рациональность в действии». Здесь Сёрль формулирует собственное понимание смысла рациональности применительно к человеческому поведению. С его точки зрения, главная черта человеческого поведения состоит в отсутствии непрерывной причинности, связующей в единой последовательности убеждения, мотивы и действия. Или иначе, человеческое поведение – это всегда действие в условиях разрыва. Таких разрывов всего три. Первый связан с общим осмыслением ситуации и формированием рационального плана действия или предварительного намерения. Этот процесс не может продолжаться бесконечно и предполагает осознанный выбор некоторого конечного основания. Второй связан с переходом от предварительного намерения к самому действию, что предполагает скачок от предварительного намерения к намерению в действии. И, наконец, третий связан с временной структурой действия и с волевым усилием, необходимым, чтобы довести его до конца. Все три момента

предполагают решение свободной воли, которое и заполняет разрыв. Человеческому поведению, как полагает Сёрль, естественно мыслить свободно мотивированным, однако последнее обстоятельство не делает его иррациональным. Суть рациональности в данном случае состоит в необходимом согласовании свободы и институциональной реальности, только в которой возможно полноценное человеческое действие. Как мы видели, фундаментальным условием существования самой институциональной реальности является язык, а фундаментальным условием согласования свободной воли личности и институциональной реальности социума выступает особая форма языкового действия (речевого акта), а именно, «обещание». Эта форма учреждает специфический класс институциональных фактов – «обязательств», которые, в свою очередь, являются внешними рациональными основаниями свободной воли, т. е. таким внешним основанием, которое с необходимостью становится внутренним мотивом, когда придёт время. Тем самым свободный субъект, личность предписывает своему действию дискретную структуру, соразмерную институциональной реальности. Как пишет Сёрль: «Чтобы организовать своё поведение и распоряжаться им, нам нужно создать класс сущностей, аналогичных желаниям по логической структуре, но притом независимых от желания. Нам требуется, коротко говоря, класс внешних факторов мотивации, которые бы представляли основания для действия... Такие сущности связывают рациональных существ только при том условии, что рациональные существа свободно создают их как обязывающие их самих» [5, с. 233].

Другими словами, допущение свободной личности и, соответственно, самосознания становится у Сёрля, в отличие от его первоначального минималистского допущения и в отличие от допущения фактов коллективного сознания, источником новых институциональных фактов («класса сущностей»), но, с другой стороны, по аналогии с минималистским допущением можно сказать, что здесь также сознание (личности) проводит некоторую границу, но уже внутри фактов, наделённых значением. Суть нового разграничения в том, что с одной стороны оказываются институциональные факты, значимые с позиции третьего лица, а с другой – обязательства, репрезентированные обещаниями, которые значимы исключительно от первого лица. Поскольку только, с точки зрения первого лица, обещание, данное в прошлом, создаёт мотив действия в настоящем. Или ещё, иначе говоря, только с позиции первого лица общезначимость языка в случае обещания является основанием для взаимности всех свободных субъектов, т. е. всех возможных позиций первого лица. С нашей точки зрения, данная концепция в целом аналогична кантовской идеи морали как значимой только от первого лица. Как мы помним, с точки зрения Канта, у нас нет общезначимых критериев морального поступка, т. е. критериев с позиции третьего лица. Единственный способ, которым человек может убедиться в существовании морали, – это собственный поступок от первого лица. Но обратим внимание, что, в отличие от Канта, Сёрль не приходит к представлению о «царстве целей» или союза всех разумных и свободных существ, который является, можно сказать, последним рефрентом

кантовской философии. В противоположность такому трансцендентальному умонастроению, Сёрль принципиально дистанцируется от какой-либо привилегированной моральной позиции, он просто указывает на значение позиции первого лица в случае такой специфической языковой и поведенческой практики, какой является «обещание». Эта практика не трансцендентальна и общедоступна, а смысл её можно подвергнуть анализу, не прибегая к категориям этики. Однако в ходе этого анализа с необходимостью обнаруживается некоторое этическое по сути качество, присущее данной практике, а именно особая взаимность всех свободных субъектов, связывающая их в институциональной фактичности обязательств. Отметим, что позиция Сёрля отлична не только от Канта, но и от более современной философской стратегии К.-О. Апеля. Последний предлагает нам продолжить мысль Витгенштейна «совместно с Витгенштейном и против Витгенштейна» [1, с. 254], а именно он обосновывает необходимость дополнить мир языковых игр особой трансцендентальной игрой разума, только которая и может стать основанием взаимности свободных субъектов в мире наподобие кантовского «царства целей». Сёрль, как мы видели, против всяких трансцендентальных оснований.

Можно было бы, правда, возразить, что с общезначимостью языка связана лишь формальная взаимность несвободных субъектов. То, что в традиции французского структурализма Ж. Лакан называл господством означающего. По сути, такое отношение – это признание без взаимности. Напомним, что, согласно концепции Лакана, субъект конституируется своей бытийной недостаточностью в дискурсе большого Другого [см.: 3]. Другой в данном случае символизирует безличную фигуру неограниченного Господства, изъятием из которой может быть только безумие. Закон или дискурс Другого требует безусловного признания, но никогда не отвечает взаимностью. Понятно, что подходы Лакана и Сёрля к языку принадлежат разным теоретическим мировоззрениям, но, тем не менее, это различие как некий фон позволяет понять, возможно, что-то существенное и в позиции Сёрля. А именно тот факт, что с принципиальной для Сёрля точки зрения, как мы полагаем, этическая взаимность свободных субъектов и формальная взаимность как следствие общезначимости языка принципиально неразделимы, поскольку нельзя разделить процесс формирования человеческого поведения и условия формирования языка. Язык – это практика, и в том числе и не в последнюю очередь – практика свободы в условиях институциональной реальности. Суть этой практики состоит в том, что, давая обещание, человек как бы пересекает некоторую границу и открывает новую сферу значений с точки зрения первого лица и уже с этой позиции наделяет тривиальную общезначимость языка этическим смыслом взаимности свободных субъектов. Другими словами, человек учится свободе в многообразных языковых практиках, создавая всё новые формы обязательств и репрезентируя их посредством обещаний.

Подведём некоторый итог наших наблюдений. Как мы полагаем, в теории Сёрля, учитывая развитие его теоретической программы, можно выделить три понятия сознания.

1. Сознание как «сечение в мире», граница между «значимым» и «незначимым».

2. Сознание как коллективная интенциональность, источник институциональных фактов в широком смысле.

3. Сознание личности, производящее особый класс институциональных фактов – «обещаний/обязательств» – значимых исключительно с позиции первого лица.

Во всех трёх случаях для Сёрля принципиально важна идея тождества логической структуры языка и сознания. В первом случае это тождество позволяет опосредовать отношение Языка и Мира так, чтобы можно было ответить на вопрос: Почему Язык? Во втором позволяет понять, как язык способен репрезентировать отношение фактов сознания и физических фактов в мире и тем самым делает возможным само существование институциональной реальности. В третьем – позволяет провести границу уже внутри региона институциональных фактов и в принципе ответить на кантовский вопрос: как возможно помыслить свободу в царстве природы?

Список литературы

1. Апель К.-О. Трансформация философии. – М.: Логос, 2001. – 339 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 2 – 73.
3. Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном Фрейда / Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М.: Логос, 1997. – С. 148 – 183.
4. Сёрль Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
5. Сёрль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
6. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 278 с.
7. Searle J. R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. – 256 с.

References

1. Apel K.-O. Transformation of Philosophy [*Transformatsiya filosofii*]. Moscow, Logos, 2001, 339 p.
2. Wittgenstein L. Logical-Philosophical Treatise [*Logiko-filosofskiy traktat*]. *Filosofskie raboty. Chast 1* (Philosophical Works. Part 1). Moscow, Gnozis, 1994, pp. 2 – 73.
3. Lacan J. The Subversion of the Subject and the Dialectic of Desire in the Freudian Unconscious [*Nisproverzhenie subekta i dialektika zhelaniya v bessoznatelnom Freyda*]. *Instantsiya bukvy v bessoznatelnom ili sudba razuma posle Freyda* (Instance of a Letter in the Unconscious or Destiny of Sense after Freud). – Moscow, Logos, 1997, pp. 148 – 183.
4. Searle J. R. The Rediscovery of the Mind [*Otkryvaya soznanie zanovo*]. Moscow, Ideya-Press, 2002, 256 p.

-
5. Searle J. R. Rationality in Action [*Ratsionalnost v deystvii*]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2004, 336 p.
 6. Searle J. R. *Inntentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 278 p.
 7. Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press, 1995, 256 p.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 008 (103)

Квалифицированный потребитель – цель системы образования?*

Ильин Алексей Николаевич – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра практической психологии, доцент, кандидат философских наук, Омск, Россия.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

644086, Россия, г. Омск, ул. 33-я Северная, 122, 35,
тел: 8-950-338-15-73

Авторское резюме

Состояние вопроса: Исследования феномена потребления достаточно подробно представлены в научной литературе – философской, культурологической, социологической, психологической, экономической. Однако его описывают в основном в комплексном виде, без обращения к частным аспектам потребительства. Не менее важным является конкретный анализ данного феномена в контексте образования и образовательной деятельности.

Результаты: Популярная в настоящее время идея переориентации традиционной российской системы образования с подготовки творца и инноватора на подготовку прежде всего квалифицированного потребителя не отражает реальных потребностей современного информационного общества. Продукт такой системы – будущий «образованец» – был бы, конечно, идеальным объектом как коммерческой, так и политической рекламы, разнообразных форм пропаганды и манипуляции. Он стал бы идеальным потребителем, покупающим вещи, которые ему не нужны. Избежать формирования послушного, безответственного, интеллектуально и нравственно бездарного общества можно только с помощью системы образования, интегрирующей учащихся в мир творящей культуры, в культуру производства, а не только потребления. Образование должно создавать не просто квалифицированного специалиста, но еще интеллектуально и морально развитую личность.

Область применения результатов: Направленность образования на формирование творца, а не потребителя, позволяет избежать негативного воздействия на все сферы общества, так как качество образования определяет качество социально развития в самом широком смысле.

Выводы: Образование должно соответствовать требованиям

* © А. Н. Ильин, 2014.

опережающей адаптации к жизни, развития креативной личности, способной самостоятельно понимать и оценивать жизненную ситуацию. Борьба с примитивной потребительской ориентацией необходима для развития системы образования, стимулирующей массовое стремление к знаниям и реализацию творческого потенциала человека.

Ключевые слова: культура потребления; образование; квалифицированный потребитель; понимание; методологическое мышление.

Is a Qualified Consumer the Goal of the Education System?

Ilyin Alexey Nikolaevich – Omsk State Pedagogical University, Department of Applied Psychology, Associate Professor, PhD, Omsk, Russia.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

644086, Russia, Omsk, street 33 North, 122, 35

tel: +7-950-338-15-73

Abstract

Background: Research on the consumption phenomenon is presented in detail in philosophical, culturological, sociological, psychological and economic literature. However, it is usually described in general, without paying attention to some particular aspects of consumption. The thorough analysis of this phenomenon in the context of education appears to be very important.

Results: The idea of Russian traditional education system reorientation from creator and innovator training to training first of all a qualified consumer does not reflect real needs of contemporary information society. The product of such a system, i. e. a badly educated person, would be an ideal target for commercial and political advertising, various forms of propaganda and manipulation. They would become ideal consumers buying a lot of goods they do not need. To avoid the formation of obedient, irresponsible society which is mediocre both intellectually and morally is possible with the help of the system of education integrating their students into the sphere of creative culture, the culture of production, but not only into the culture of consumption. Education has to create a qualified professional and an intellectually and morally developed personality as well.

Research implications: Aspirations of education to train a creator – not a primitive consumer – allow to avoid negative influence on all spheres of society as the quality of education determines the quality of social development in general.

Conclusion: The system of education has to meet the demands of life adaptation, creative personality development. The decisive struggle against consumerism is necessary for the education system which stimulates mass desire for the realization of human creative potential.

Keywords: culture; consumption; consumerism; education; qualified consumers; understanding; methodological thinking.

Сегодня много говорится о реформах системы образования. Одни авторы вдохновлены происходящими процессами реформирования. Другие же, наоборот, проявляют жесточайший критицизм. Можно сказать, что сегодня происходит некий процесс выравнивания, который сводится к тезису: каково общество – таково и образование. Если российский социум стал потребительским, то и образовательная система приобретает соответствующие черты. На наш взгляд, запущенная сегодня «машинерия» реформирования оказывается полностью деструктивной.

Нет совершенных систем, и в любой можно найти недостатки. Однако советское образование довольно хорошо решало задачи подготовки будущего работника, воспитания гражданина и многостороннего развития личности. Сейчас система образования переориентируется с этих задач на формирование восплаемого А. А. Фурсенко квалифицированного потребителя. Экс-министр в качестве порока советской системы образования увидел ее стремление создать человека-творца, а не пользующегося результатами труда других квалифицированного потребителя. Получивший вузовское образование человек, видимо, должен уметь качественно пить, есть и покупать гаджеты, не понимая, зачем он их покупает. Квалифицированный потребитель вряд ли сможет обслуживать стратегически важные объекты. А если каждый выпускник трансформируется в пользователя-потребителя, неясно, кто станет субъектом производства. Ведь как бы квалифицированно потребитель ни потреблял, создавать он ничего не будет.

Сегодня и так достаточно *квалифицированных потребителей*, которые ведут себя так, будто считают продукты и вещи не созданными другими людьми, а данностью, само собой возникающей на полках магазинов, и забывшие о том, что кому-то следует производить обожаемые и алчно потребляемые ими вещи. Страна должна получать различные ресурсы, а если это страна квалифицированных потребителей, получать она их будет из-за границы, откуда даром ничего не отдадут. Следовательно, нужно будет их покупать или менять на что-то свое. Но стране потребителей нечего предложить взамен. Ориентация образования на консюмеризм только закрепощает сырьевую зависимость России от других стран.

«Нам такое количество творцов совсем не нужно, – заявил министр образования А. А. Фурсенко, отвечая на вопросы «Независимой газеты». – Не менее важно готовить людей, которые могли бы квалифицированно использовать знания и умения для претворения в жизнь идей, предложенных другими людьми» [цит. по: 8, с. 69]. Конечно, нужны специалисты, способные квалифицированно реализовывать созданные другими людьми проекты. Но нет никакой необходимости направлять всю систему образования в эту сторону. Не имеется ли в виду отказ от ориентации образования на инновационность? Не имеется ли в виду ориентация образовательной системы на реализацию разработанных зарубежными специалистами проектов, а значит, и ориентация на десоверенизацию страны?

Впрочем, в типично сырьевых экономических условиях действительно не нужны высококвалифицированные кадры. Они просто не найдут себе

применения тогда, когда экономика сводится к трубе. Как отмечает Б. Ю. Кагарлицкий, в 90-е годы переход к капитализму сопровождался разрушением созданных в СССР производительных сил. Часть научного и технологического потенциала страны была уничтожена, экономика становилась сырьевой и колониальной, но система образования продолжала готовить кадры. В итоге специалистов было столько, сколько такая система не могла переварить, и началась массовая эмиграция. Уровень образования и рабочей силы значительно превышал потребности деградировавшей экономики. И власть начала реформу образования, цель которой – максимально снизить эффективность системы образования, снизить уровень знаний [см.: 3]. Однако ни в какие ворота не вписывается тезис типа «образование должно готовить потребителей, поскольку выстроенная нами система экономики-деграданта не нуждается в высококвалифицированных кадрах». А по сути получается, что именно это имеют в виду реформаторы образования.

Определение путей развития образования и вообще всех социальных сфер зависит от специфики целей, которые ставятся перед образованием. Если целью является формирование потребителя как объекта политических манипуляций, стоит ожидать «особой» модернизации во всех сферах жизни человека и общества. Если раньше целью образования было формирование профессионалов и личностей, складывается впечатление, что сегодня основная цель – создание послушного, атомизированного, безответственного, интеллектуально и нравственно бездарного общества. *Необходим переход от материально потребляющего «образованца» к материально и культурно творящему образованному человеку. Образование призвано интегрировать учащихся в мир творящей культуры, в культуру производства, а не потребления. Образование должно создавать не просто квалифицированного специалиста, но еще интеллектуально и морально развитую личность.*

Конечно, есть необходимость обучать людей делать осознанный рациональный выбор товаров и услуг, нести ответственность за этот выбор, отделять реальные потребности от фиктивных, защищать свои права перед производителем, эффективно противостоять манипуляциям со стороны производителей, обогащать знание о товарах и отделять качественный товар от некачественного. Только непонятно, почему некоторые авторы именуют все это потребительским образованием [см.: 2], к которому также относят профилактику алкоголизма и наркомании. Если А. А. Фурсенко все перечисленное имел в виду, следует сказать, что образование, конечно, не должно ограничиваться этим. Однако наверняка экс-министр, по-видимому, совсем не это предполагал, говоря об образовании потребителей.

Высокий образовательный ресурс нужен всегда. Образование – та ценность, которая должна быть не единожды достигнута, а сопровождать развитие общества постоянно, ибо она является наиглавнейшим условием его существования и развития. Образование деградирует настолько, что перестает производить даже квалифицированного потребителя, возвращая просто потребителя, наделенного сверхвысокими амбициями и ожиданиями и сверхограниченным кругозором. Воспеваемая А. А. Фурсенко и его идейными

союзниками система образования далека от той системы, которая является инструментом действительного образовывания человека, повышения его рациональности и нравственности, средством противостояния различного рода манипуляциям. Будущий «образованец» – идеальный объект как коммерческой, так и политической рекламы, различных форм пропаганды и манипуляции. Он будет идеальным потребителем, покупающим вещи, которые ему не нужны, берущим кредиты на ненужные вещи и не задумывающимся о том, как он впоследствии будет погашать кредитные долги.

Поражает то равнодушие интеллигенции, с которым она принимает доктрину школьной реформы, которую изложил А. А. Фурсенко. Ведь если реформа школы в России дойдет по этой траектории до ее логического конца, то для интеллигенции места в новом обществе не останется в принципе; интеллигент и консьюмер – два принципиально разных социокультурных типа.

Делая ставку на низкий уровень образования, власть, возможно, и решает свои тактические проблемы (необразованными людьми ведь управлять проще), но роет сама себе и обществу яму, если исходить из контекста стратегических проблем. Недостаток квалифицированных кадров способен обернуться полным крахом во всех структурах социального развития, и никакая модернизация не будет возможна. Страна, не производящая интеллектуальный капитал, вынуждена будет его покупать (возможно, за важные ресурсы или территорию) за границей. Она и ее инфраструктура обречены на упадок. Наконец, трудно комментировать слова человека, узревшего в создании человека-творца порок, а в конституировании квалифицированного потребителя – благо. Жаль, что советское образование отчаянно критикуют те, кто сами его некогда получали.

В сегодняшнюю информационную эпоху повседневность теряет связь с надежностью, стабильностью и укорененностью, и все больше связывается с нелинейностью, неизвестностью, тревогой, неуверенностью. Выпускниками высших учебных заведений должны быть люди, обладающие прежде всего хорошо отточенным *методологическим мышлением*, а не только фактуальными знаниями, которые мало поддаются практическому использованию, быстро устаревают (особенно в эпоху стремительного роста знания) и едва ли создают плацдарм для независимости мышления. И уж тем более выпускниками не должны быть квалифицированные потребители. Если человек мыслит исключительно фактами, он не мыслит или же его мышление направляет выводы в неверное русло. Если человек мыслит тенденциями, то отдельными фактами ход его мышления становится трудно сбить. Как писал Ф. Ницше, «школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях» [цит. по: 4, с. 643].

Стандарты формального образования обычно отстают, а зачастую очень сильно отстают от требований общества. Поэтому в стенах школы необходимо воспитывать стремление к самостоятельному образованию, а заодно умение это стремление осуществлять; тем более что отставание академической системы образования от насущных социальных нужд – явление нормальное и закономерное. Существует стратегия создания максимально большего запаса

знаний по самому широкому спектру общих и специализированных дисциплин. Однако такая стратегия уступает стратегии выработки способностей к ориентации во всей системе современных знаний на основе личностно осмысленных критериев выбора каждым индивидом вектора собственного образования и формирования субъектом *в самом себе страсти* к постоянному пополнению знаний и их систематизации в своем сознании и практической деятельности. Ведь образование не сводится к одному лишь усвоению готовых результатов.

Принцип непрерывности особо актуален сегодня, в эпоху «текучей современности», быстрого устаревания и смены теоретических истин и практических методик. Непрерывность означает постоянное развитие природных задатков и способностей, расширение кругозора, совершенствование профессиональных качеств специалиста, интеллектуального, этического и эстетического потенциала личности. Образовательная непрерывность является залогом успешной адаптации человека к меняющемуся миру и реализации проекта личностного самоконструирования. *Динамичный мир требует интеллектуально и профессионально динамичного субъекта – субъекта собственного, а также социального развития.* Однако современная реформируемая школа очень слабо формирует стремление учиться, а отсутствие социальной справедливости (диплом как гарантия жизненного успеха) снимает с образованности ту ценность, которой она должна обладать.

Пока студент обучается по одной технологии и парадигме, к моменту окончания вуза эта парадигма изнашивается, и ей на смену приходит новая система знаний – более совершенная и адаптированная к реалиям текущего дня. Выпускник оказывается неадаптированным. И некоторые вузовские дисциплины, читаемые в течение нескольких десятков лет в первозданном виде, без нововведений, теряют актуальность и отдаляются от реальности. Встречаются люди, которые имеют достаточно обширные знания, но у них отсутствует знание того, как эти знания применить, что говорит о недостатке соразмерности их профессионализма и социальной адекватности. Так что в сегодняшнем образовании мы находим такие взаимосвязанные проблемы, как устаревание знания и его излишняя фактуальность в ущерб методологичности. Знание большого числа фактов и концепций вовсе необязательно сопряжено с хорошим умением их анализировать, с методологической глубиной.

Образование призвано не только давать студенту фактуальные знания, но и учить его мыслить, предоставлять помимо фактов (многие из них действительно бесполезные) методологию. Более того, образование должно удерживать баланс между фундаментальными знаниями, методологическим каркасом, и практичными нововведениями в сфере науки и технологий, и не уклоняться в одну из этих сторон.

Проблема знания, его накопления и прироста – далеко не самая актуальная для современности. Она была актуальна тогда, когда знаний было мало. Сейчас же, в век глобального знания (и, соответственно, глобального псевдознания, мифа) в большей степени актуализируется проблема понимания. «В школе и

университете преподаватели призваны развивать творческие способности, учить не знать, а прежде всего понимать» [5, с. 84]. С. И. Мозжилин и А. Н. Неверов пишут: «Выявление психологических механизмов, образующих понимание, имеет неоценимое значение в деле формирования методик полноценного образования». Далее авторы приводят слова А. А. Брудного: «Понимание – это свобода находить новые смыслы. Ибо понять можно только то, что имеет смысл. А получать образование? Выстраивать гетерархию (может быть, синархию) смыслов» [6, с. 188].

Понимание – это надстройка над знанием, более высокий уровень, который достигается, в первую очередь, не путем простого накопления и прироста знаний, а путем методологического осмысления действительности, зачаток которого мы видим в декартовском императиве сомнения. Здесь уместно вспомнить Ф. Ницше, называвшего недоверие пробным камнем, определяющим чистое золото достоверности [7]. Скептический дух сомнения служит вакциной от догматизации.

Конечно, в информационную эпоху скепсис не является панацеей, но, в отличие от слепой веры и формального набора фактов, он позволяет хотя бы частично отделять зерна от плевел на когнитивном поле, приобретать не столько убеждения, сколько способ приобретения убеждений. Так, знание в исторической науке предполагает просто усвоение исторической хронологии, в то время как понимание связано с умением не только увидеть события, но увидеть и объяснить тенденции как взаимосвязи между событиями, причины и следствия событий. Понимание содержит в себе знание в качестве элемента. Знание выступает некоей результирующей категорией. Понимание же процессуально, и процесс этот постоянно формирует новое знание. С помощью понимания человек находит опору при адаптации к меняющемуся миру. Понимание становится метаориентиром жизни, оно помогает человеку остаться в структуре меняющегося бытия, не выпасть из него. *Понимание принципов и взаимосвязей с лживой компенсирует незнание некоторых фактов. И если в свое время Ф. Бэкон отождествлял знание с силой, то сегодня более справедливо отождествлять понимание с силой.*

Обучение без понимания, без размышления теряет смысл. «Разрушение системы образования привело к тому, что на выходе из этой “системы” мы получаем “человека непонимающего” и очень далекого от категории “интеллигентный”, – пишет Е. В. Астахова, ссылаясь на И. М. Ильинского. – Понимание как ведущая предметная область образования попросту “выпала” из системы. Человек, одиозно запрограммированный только на материальные ценности, психологически и информационно перегруженный, перестал понимать законы физики и химии, взаимосвязь цифр и чисел, общественные законы и процессы, правописание и грамматические конструкции. И уж, тем более, свое предназначение в обществе, свои обязательства перед ним» [1, с. 403 – 404].

Соответственно, система образования должна отвечать требованиям конституирования опережающей адаптации к жизни, и понимание здесь играет самую важную роль. Без решительной борьбы с потребительской

антикогнитивностью, восстановления высокого статуса ученого и серьезной переориентации системы образования массовое формирование страсти к знаниям и стремления к самообразованию не может состояться.

Список литературы

1. Астахова Е. В. Поколение next в университетском контексте: есть ли основания для оптимизма? // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж. Т. Тощенко. Редактор-составитель М. С. Цапко. – М.: РГГУ, – 2012. С. 403 – 407.
2. Девиантность в обществе потребления: Коллективная монография. Под ред. Я. И. Гилинского и Т. В. Шипуновой. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 464 с.
3. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. – 480 с.
4. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 1200 с.
5. Маслов В. И. Роль образования в современном мире // Век глобализации. – 2013. – №2. – С. 83 – 92.
6. Мозжилин С. И., Неверов А. Н. Рецензия на книгу «Методология психологии: проблемы и перспективы. Учебное пособие» // Вопросы философии. – 2014. – №5. – С. 186 – 189.
7. Ницше Ф. Странник и его тень. – М.: Азбука, 2012. – 224 с.
8. Панфилова Т. В. Реформирование высшего образования в России: демократизация или бюрократизация? // Общественные науки и современность. – 2010. – №4. – С. 65 – 72.

References

1. Astakhova E. V. Generation Next in the University Context: Is There Any Reason for Optimism? [Pokolenie next v universitetskom kontekste: est li osnovaniya dlya optimizma?]. «Novaya» i «staraya» intelligentsiya: obscheye i osobennoe. ("New" And "Old" Intelligentsia: General and Special). Moscow, RGGU, 2012, pp. 403 – 407.
2. Gilinskiy Y. I., Shipunova T. V. (Eds.) Deviance in the Consumer Society: Collective Monograph [Deviantnost v obschestve potrebleniya: Collectivnaya monografiya]. Saint Petersburg, Alef-Press, 2012, 464 p.
3. Kagarlitskiy B. Y. Marxism: Not Recommended for Learning [Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya]. Moscow, Algoritm, Eksmo, 2005, 480 p.
4. Kara-Murza S. G. Soviet Civilization [Sovetskaya tsivilizatsiya]. Moscow, Algoritm, Eksmo, 2008, 1200 p.
5. Maslov V. I. The Role of Education in the Modern World [Rol obrazovaniya v sovremennom mire]. Vek globalizatsii (Age of Globalization). 2013, №2, pp. 83 – 92.
6. Mozzhilin S. I., Neverov A. N. Book Review “The Methodology of Psychology: Problems and Prospects. Training Manual” [Retsenziya na knigu

Metodologiya psihologii: problemy I perspektivy. Uchebnoe posobie]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy). 2014, №5, pp. 186 – 189.

7. Nietzsche F. The Wanderer and His Shadow [*Strannik I ego ten*]. Moscow, Azbuka, 2012, 224 p.

8. Panfilova T. V. Reform of Higher Education in Russia: Democratization or Bureaucracy? [Reformirovanie vysshego obrazovaniya v Rossii: demokratizatsiya ili byurokratizatsiya?]. *Obschestvennye nauki I sovremennost* (Social Sciences and Modernity). 2010, №4, pp. 65 – 72.

УДК 378.6:001.891(571.16)

Формирование ведущих исследовательских университетов мирового класса в России (на примере томских национальных исследовательских университетов)*

Брылина Ирина Владимировна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Томск, Россия.

E-mail: ibrylina@yandex.ru

Кузьмина Анна Валерьевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», студентка Института социально-гуманитарных технологий, Томск, Россия.

E-mail: anna989@sibmail.com

634034, Россия, Томск, пр. Ленина, 30,

Тел.: +7 (3822) 56-13-13

Авторское резюме

Состояние вопроса: В последние годы в России предпринимаются и поддерживаются государством попытки создания целой сети исследовательских университетов мирового класса. Опыт проведения этой работы нуждается в специальном анализе.

Результаты: Российские университеты находятся на начальных стадиях перехода на уровень исследовательских университетов, ориентированных на показатели по рейтингу QS 100. В их дорожных картах формулируются системы конкретных формальных показателей, которые должны быть достигнуты к определенному сроку. Вузы намечают идти аналогичным друг другу и мировому опыту путем в создании университетов мирового класса, которые, однако, будут отличаться в зависимости от своей специализации, региональной принадлежности, «дорожной карты» и др. факторов. Процессы формирования исследовательского, инновационного или предпринимательского университета будут иметь свои особенности в темпах развития, механизмах их слияния и разделения. В России ожидается возникновение университетов разного типа и уровня в соответствии с различиями их миссий.

Выводы: Обсуждение вопросов специфики формирования «исследовательских», «инновационных» и «предпринимательских» университетов мирового класса в России показывает, что проблема конкурентоспособности и нововведений в университетах связана с формированием новых отношений между наукой и образованием, с одной

* © И. В. Брылина, А. В. Кузьмина, 2014.

стороны, и государством, университетом и бизнесом, с другой. Новый диалог о роли университетов в экономике, основанной на знаниях, должен привести к новому компромиссу, который создаст возможности перейти к формированию «инновационных» и «предпринимательских» университетов, но одновременно сохранит преимущества «исследовательских».

Ключевые слова: российские университеты; исследовательские университеты мирового класса; «дорожные карты» российских исследовательских университетов; концентрация талантов.

Establishing World-Class Research Universities in Russia (The Case of Tomsk National Research Universities)

Brylina Irina Vladimirovna – National Research Tomsk Polytechnic University, Department of Philosophy, Associate Professor, PhD, Tomsk, Russia.

E-mail: ibrylina@yandex.ru

Kuzmina Anna Valerievna – National Research Tomsk Polytechnic University, Student of the Institute of Social and Humanitarian Technologies, Tomsk, Russia.

E-mail: anna989@sibmail.com

30, Lenin Ave., Tomsk, Russia, 634034,
tel: +7 (3822) 56-13-13.

Abstract

Background: Recently an attempt to develop a network of world-class research universities has been made in Russia, the attempt being supported by the state. This experience needs some special analysis.

Results: Russian universities are now at the first stage of their reaching the level of research universities oriented on the criteria of QS 100 University Rankings. In their road maps systems of formal indexes which are to be implemented in the due course are formed. In general Russian universities are likely to follow an example of foreign universities although their routes will vary depending on their specialization, regional differences, road maps and some other factors. The formation processes of research, innovative and entrepreneurial universities will have their own characteristics of the development rate, their merger and demerger. Universities of different types and levels will be founded in Russia in accordance with the differences in their missions.

Conclusions: The discussion held in Russia on world-class leading research, innovative and entrepreneurial universities establishing shows that the problem of competitiveness and innovations in universities is connected with new relationships between science and education, on the one hand, and with the state, university and business, on the other. An intense debate on the place of universities in economy based on knowledge has to result in establishing innovative and entrepreneurial universities, but simultaneously will preserve the advantages of research ones.

Keywords: Russian universities; world-class research universities; road maps of Russian research universities; talent concentration strategy.

Как реализуется задача по созданию ведущих исследовательских университетов в России?

Виссема Й. Г. в работе «На пути к университету третьего поколения: управление университетом в переходный период» утверждает, что университеты вступили в переходный период своего развития и в настоящее время должны трансформироваться в «университеты третьего поколения» («3G-университеты»). В противном случае они рискуют оказаться в роли аутсайдеров... [1]. Российская система высшего образования в настоящее время переживает переломный момент трансформации лучших университетов России по образцу ведущих исследовательских университетов мира. Эта амбициозная цель была поставлена Правительством России перед университетами вследствие модернизации, которую переживает система образования последние годы, и которая обоснована в «Программе образования 2013 – 2020». Одним из ожидаемых результатов Программы должно стать вхождение «пяти российских вузов в первую сотню ведущих рейтингов мировых университетов» [3].

Так как Россия сравнительно поздно вступила на путь создания исследовательских университетов мирового класса и находится на позиции догоняющей, это влечет необходимость анализа общего и особенного в развитии российских исследовательских университетов.

Отвечая на вопрос: «Что такое “исследовательский” университет и как его создать?» Филип Дж. Альтбах утверждает, что парадокс университета мирового класса состоит в том, что «все хотят его иметь, но никто не знает, что это такое и как его получить» [8, с. 351].

Как определяется принадлежность к исследовательским университетам мирового класса? Недостаточным является ни субъективное декларирование себя таковым, ни продолжительная история и традиции вуза. Принадлежность определяется по множеству критериев, наиболее значимыми и объективными из которых являются международные рейтинги.

В развернувшейся дискуссии о путях создания исследовательского университета мирового класса Дж. Салми [см.: 9, с. 8 – 9] выделяет 2 основных пути создания университетов мирового класса: модернизация существующих и создание новых университетов.

На современном этапе развития российского университетского образования использован комбинированный подход к решению данной проблемы. Идут одновременные процессы дифференциации университетов: выделены 29 национальных исследовательских университетов (НИУ), путем укрупнения и реорганизации создано 9 федеральных университетов (ФУ) и формируются еще два, созданы и создаются новые университеты (например, НИУ ВШЭ), и предполагается их трансформация в ведущие исследовательские университеты мирового класса (ВИУ).

В соответствии с этой задачей был проведен конкурс, в котором приняло участие 54 российских вуза. По результатам голосования совета было

объявлено 15 победителей конкурсного отбора вузов на право получения специальной субсидии на реализацию мероприятий, которые будут способствовать продвижению вузов в международных рейтингах. Только 12 из них получили поддержку своих «дорожных карт».

Далее каждый университет на основе государственной субсидиарной и негосударственной грантовой поддержки пойдет своим путем, обозначенным в их «дорожных картах», ориентируясь на лучшие образцы зарубежных университетов, входящих в ТОП-100 мировых университетов по системе рейтинга QS 100, в котором почти половину списка занимают американские исследовательские университеты. Из российских университетов единственным представителем является МГУ им. Ломоносова, занимающий на текущий момент 50-е место рейтинга QS 100.

Итак, каковы же пути развития российских исследовательских университетов, зафиксированные в их «дорожных картах»?

Анализируя мировой опыт развития исследовательских университетов, Дж. Салми выделяет три основные стратегии, содействующие созданию университетов мирового класса: концентрация талантов, изобилие ресурсов и эффективное управление [см.: 9, с. 7 – 8].

Несмотря на то, что каждый российский университет сформировал свою индивидуальную траекторию развития, которая обозначена у него в «дорожной карте», работая на единую цель, они пошли по пути реализации стратегий, обозначенных Дж. Салми.

Первая стратегия – «концентрации талантов» – подразумевает создание творческих коллективов студентов и преподавателей, а также новых образовательных продуктов. Конкретизация этой стратегии подразумевает человеческий фактор, а именно – ответ на вопросы: *кого обучать, кто обучает, как обучать?*

Кого обучать? Практически каждый выпускник школы сегодня осознает необходимость достижения личного успеха, который связывает с высоким уровнем образованности, соответствующей уровню научно-технического развития общества. Вместе с тем, требования к уровню сдачи ЕГЭ в России в 2014 г. снизились (с 36 до 24 баллов по русскому языку, с 24 до 20 баллов по математике). Однако это не означает тенденции к снижению образовательного и интеллектуального уровня абитуриента. Данная инновация призвана не допустить того, чтобы тысячи выпускников с низким уровнем знаний лишились возможности получения аттестата для дальнейшего трудоустройства и продолжения карьеры. На этом фоне все большее число российских университетов вводят собственные системы оценки знаний и способностей абитуриентов, повышают требования к среднему баллу абитуриентов по единому государственному экзамену (ЕГЭ).

Например, согласно «дорожным картам» томских исследовательских университетов средний балл по ЕГЭ должен возрасти с 2014 г. к 2020 г (см. табл. 1).

Таблица 1. Средний балл по ЕГЭ абитуриентов томских исследовательских университетов

Средний балл абитуриентов по ЕГЭ	2014 г.	2020 г.
НИ ТГУ	69	75
НИ ТПУ	74	85

Согласно «дорожной карте Томского политехнического университета» при наборе абитуриентов акцент будет делаться на выявлении и привлечении талантливых молодых людей, в том числе студентов и аспирантов, отобранных для зачисления по результатам обучения в интернет-лицее ТПУ – не менее 25%; доля студентов, обучающихся в системе элитного технического образования (ЭТО) – не менее 15%; доля магистрантов, аспирантов и докторантов в общем числе обучающихся по очной форме обучения должна составить не менее 55% против имеющихся в 2014 г. 21%. Доля аспирантов, имеющих научные статьи, индексируемые в базах данных Scopus или Web of Science, должна составить 100% к 2020 г. Университет ориентируется на переход к магистерско-аспирантскому типу, в котором будут закрыты неэффективные специальности (на настоящий момент закрыто 8 неконкурентоспособных программ), произойдет постепенный отказ от заочной формы обучения в пользу дистанционного образования [см.: 5]. К основным механизмам привлечения талантливых студентов относятся: создание виртуальной образовательной площадки для работы со школьниками на основе технологий геймификации (интернет-лицей); реализация комплексной системы взаимодействия с довузовскими образовательными учреждениями (семинары и конференции для учителей и школьников, расширение сети профильных классов, грантовая поддержка педагогов); расширение географии набора абитуриентов; развитие системы элитного технического образования с учетом международного опыта; организация эффективной работы по продвижению бренда ТПУ в России и за рубежом. Основными механизмами привлечения талантливых магистрантов и аспирантов считаются развитие системы грантов и персональных академических стипендий; создание системы конкурсного отбора магистрантов и аспирантов под выполняемые исследовательские проекты; разработка оригинальных специализированных программ подготовки магистрантов и аспирантов; развитие системы соруководства магистрантами и аспирантами с ведущими учеными в рамках международных проектов и лабораторий; обеспечение комфортных условий работы и проживания; создание конкурсной системы исследовательских грантов для международных молодежных научных групп; организация длительных стажировок магистрантов и аспирантов ТПУ в ведущих зарубежных университетах и исследовательских центрах в рамках совместно выполняемых проектов.

Кто обучает? Формирование интеллектуально насыщенной среды, достаточных материально-технических ресурсов, конкурентоспособного уровня оплаты труда и социального пакета привлечет энергичных и инициативных людей в кадровый потенциал вуза. Это позволит университету обеспечить баланс между преподаванием и наукой, привлекая к работе

персонал, способный генерировать новые идеи, осваивать передовые образовательные технологии, активно заниматься научными исследованиями.

Программа развития персонала ТПУ [см.: 4], например, призвана способствовать привлечению на должности НПП специалистов, способных организовывать образовательную и научную деятельность на уровне лучших мировых стандартов. К основным характеристикам, отражающим высокое качество ключевого персонала, согласно программе, относятся понижение среднего возраста научно-педагогических работников до 45 лет; повышение доли зарубежных профессоров, преподавателей и исследователей в численности НПП, включая российских граждан – обладателей степени PhD зарубежных университетов до 10%; регулярное повышение квалификации НПП в ведущих высокотехнологичных компаниях, научных организациях и университетах; значительное повышение количества НПП, имеющих публикации, индексируемые базами данных Web of Science и Scopus, – не менее 75%; увеличение доли НПП, имеющих индекс Хирша более 10 до 5%; свободное владение иностранным языком; соотношение средней заработной платы НПП к средней заработной плате по региону – 3 к 1.

Одним из важных направлений работ является привлечение выдающихся ученых и преподавателей из ведущих зарубежных и российских университетов и научных организаций и подготовка собственных научно-педагогических кадров мирового уровня.

Как обучать? Основу конкурентоспособности университета обеспечит портфель образовательных программ и интеллектуальных продуктов, соответствующих лучшим мировым стандартам и практикам, а именно:

- доля программ всех уровней, аккредитованных по международным критериям должна составить не менее 50%;
- доля совместных образовательных программ уровня «двойной диплом» с ведущими зарубежными университетами – не менее 30%;
- доля зарубежных патентов – не менее 30%;
- доля лицензионных соглашений, заключаемых на основе поддерживаемых результатов интеллектуальной деятельности сотрудников ТПУ, – не менее 30%.

Основными механизмами формирования пакета интеллектуальных продуктов считаются:

- создание сетевых научно-образовательных кластеров для обеспечения исследовательских работ на междисциплинарном уровне;
- развитие системы трансфера знаний и технологий для стимулирования роста результатов интеллектуальной деятельности в виде патентов и лицензионных соглашений;
- расширение сотрудничества с партнерами для продвижения результатов интеллектуальной деятельности с целью разработки на их основе высокотехнологичных продуктов.

Вторым важным фактором создания университета мирового класса является финансовый фактор («изобилие ресурсов»). Как известно,

государственное финансирование не может гарантировать изобилия ресурсов. Как российские университеты планируют его обеспечить?

Сегодня многие российские вузы встали на путь создания автономного образовательного учреждения, что позволит им самостоятельно изыскивать новые источники существования в коммерциализации результатов работ, создании новых бизнесов на базе принадлежащих университетам изобретений и т. д. Этот процесс ведет к диверсификации государственного финансирования, утрате университетами соответствующих льгот. Автономия университетов – это новая реальность, которая превращает их в коммерческие корпорации и необратимо меняет систему распределения бюджетного финансирования, выводя университеты из сферы бесприбыльной деятельности с действующими налоговыми льготами, предоставляя университету больше свобод.

Одним из элементов финансовой системы самообеспечения университетов становятся создаваемые эндаумент-фонды. В России насчитывается более 80 эндаумент-фондов, большая их часть в системе высшего профессионального образования. Согласно исследованию «Эксперт РА», эндаумент-фонды созданы в 34 вузах из сотни лучших. Из двадцати лучших российских вузов такие фонды есть у 15 [см.: 6].

Третьим существенным фактором создания университета мирового класса является «эффективное управление». Принято употреблять достаточно абстрактный и неоднозначный термин «управление изменениями», под которым подразумевается достаточно широкий спектр деятельности: формирование миссии университета в качестве ведущего исследовательского университета мирового уровня, создание «дорожной карты» Программы; поэтапные изменения в структуре и системе управления университетом, направленные на устранение препятствий, мешающих проведению институциональных преобразований в соответствии со стратегическими целями и задачами Программы; концентрация ресурсов на приоритетных направлениях, мероприятиях и проектах; формирование корпоративной культуры и благоприятной творческой атмосферы, способствующей достижению стратегических целей развития университета.

Принципиально новым инструментом стимулирования, интегрирующим все вышеназванные механизмы качественного развития ключевого персонала вуза, считается переход на эффективный и срочный контракт с каждым сотрудником университета.

Гибкая кадровая политика будет способствовать формированию корпоративной среды, в которой ценится и вознаграждается вклад каждого сотрудника вне зависимости от пола, религиозных и идеологических убеждений, этнической принадлежности, личных качеств и выбранной карьерной траектории.

Появляющиеся университеты нового типа принято называть «инновационными». Однако одной научной новизны сегодня недостаточно. Ее требуется вывести на рынок, для чего необходимы особые знания и навыки в области управления и предпринимательства, отличные от знаний и навыков

ученых и изобретателей. Поэтому «параллельно с “инновационными” университеты приобретают характер “предпринимательских” университетов, в которых будут готовиться предприниматели “нового типа”, способные понимать существо научных открытий и создавать на их основе рыночные продукты» [2, с. 64].

По мнению автора концепции 3G университетов Й. Г. Виссема [см.: 1], в результате модернизации высшего образования в XXI в. возникает иерархия высших учебных заведений, в которой 3G-университеты мирового уровня будут находиться на вершине, университеты регионального значения – в середине, а университеты, занимающиеся исключительно профессиональной подготовкой студентов – в самом низу. Можно согласиться с мнением Стива Вудфилда, который полагает, что «для мирового образовательного сектора характерно разнообразие миссий университетов, что позволяет университетам достигать успеха различными способами, в зависимости от контекста, в котором функционирует тот или иной университет» [7].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что российские университеты, независимо от своей специализации и региональной принадлежности, во многом пойдут аналогичным друг другу и мировому опыту путем в создании университетов мирового класса. Однако процессы формирования исследовательского, инновационного или предпринимательского университета будут иметь свои особенности в темпах развития, особенностях их слияния и разделения. В России возникнут университеты разного типа и уровня, в соответствии с различиями их миссий.

Обсуждение проблем специфики формирования «исследовательских», «инновационных» и «предпринимательских» университетов мирового класса в России показывает, что проблема конкурентоспособности и нововведений в университетах связана с формированием новых отношений между наукой и образованием, с одной стороны, и государством, университетом и бизнесом, с другой. Новый диалог о роли университетов в экономике, основанной на знаниях, должен привести к новому компромиссу, который позволит перейти к формированию «инновационных» и «предпринимательских» университетов, но одновременно сохранит преимущества «исследовательских». Обществу предстоит сформировать новые механизмы партнерства между государством, обществом, образованием, промышленностью и бизнесом, создать исследовательские университеты мирового класса и сохранить исследовательский университет как главный источник новых знаний.

Список литературы

1. Виссема Й. Г. На пути к университету третьего поколения: управление университетом в переходный период. – Великобритания, Челтнем: Эдвард Элгар, 2009. – 272 с.
2. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Под ред. В. Б. Супяна. – М.: Магистр, 2009. – 399 с.

3. Программа образования 2013 – 2020 // Blogspot – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://programma-obrazovaniya.blogspot.ru> (дата обращения 12.08.2014).
4. Программа развития персонала ТПУ // Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tpu.ru/today/programs/viu> (дата обращения 12.08.2014).
5. ТПУ откажется от «заочки», ТГУ пригласит зарубежных преподавателей // Агентство новостей ТВ2 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tv2.tomsk.ru/news/tpu-otkazhetsya-ot-zaochki-tgu-priglasit-zarubezhnyh-prepodavateley> (дата обращения 12.08.2014).
6. Фонд целевого капитала ТПУ // Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://endowment.tpu.ru/news/ru/2261.htm> (дата обращения 12.08.2014).
7. Обсуждая идеи современного вуза: «На пути к университету третьего поколения» // Южный федеральный университет. – [Электрон ресурс]. – Режим доступа: [http://sfedu.ru/www/sfedu\\$news\\$.show_full?p_news=0&p_nws_id=42424](http://sfedu.ru/www/sfedu$news$.show_full?p_news=0&p_nws_id=42424) (дата обращения 12.08.2014).
8. Salmi J. The Challenge of Establishing World-Class Universities. – Washington DC, The World Bank: The International Bank for Reconstruction and Development, 2009. – 115 p.
9. The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. / Philip G. Altbach and Jamil Salmi (Eds.). – USA, Washington DC, The World Bank: The International Bank for Reconstruction and Development, 2011. – 394 p.

References

1. Wissema J. G. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition [*Na puti k universitetu tretogo pokolenija: upravlenie universitetom v perehodnyj period*]. UK, Cheltenham, Publishing house "Edward Elgar", 2009, 272 p.
2. Research Universities in the United States: a Mechanism for the Integration of Science and Education [*Issledovatel'skie universitety SShA: mehanizm integracii nauki i obrazovaniya*]. Moscow, Master, 2009, 399 p.
3. Education Program 2013 – 2020 [*Programma obrazovaniya 2013 – 2020*]. Available at: <http://programma-obrazovaniya.blogspot.ru> (accessed 12 August 2014).
4. TPU Program Staff Development [*Programma razvitija personala TPU*]. Available at: <http://tpu.ru/today/programs/viu> (accessed 12 August 2014).
5. TPU Will Refuse "Correspondence Course", TSU Will Invite Foreign Teachers [*TPU otkazhetsja ot «zaochki», TGU priglasit zarubezhnyh prepodavatelej*]. Available at: <http://www.tv2.tomsk.ru/news/tpu-otkazhetsya-ot-zaochki-tgu-priglasit-zarubezhnyh-prepodavateley> (accessed 12 August 2014).
6. The TPU Endowment [*Fond celevogo kapitala TPU*]. Available at: <http://endowment.tpu.ru/news/ru/2261.htm> (accessed 12 August 2014).

7. Discussing the Idea of a Modern University: "Towards the Third Generation University" [*Obsuzhdaja idei sovremennogo vuza: "Na puti k universitetu tretego pokolenija"*]. Available at: [http://sfedu.ru/www/sfedu\\$news\\$.show_full?p_news=0&p_nws_id=42424](http://sfedu.ru/www/sfedu$news$.show_full?p_news=0&p_nws_id=42424) (accessed 12 August 2014).

8. Salmi J. *The Challenge of Establishing World-Class Universities*. Washington DC, The World Bank, The International Bank for Reconstruction and Development, 2009, 115 p.

9. Altbach P. G., Salmi J. (Eds.) *The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities*. USA, Washington DC, The World Bank, The International Bank for Reconstruction and Development, 2011, 394 p.

УДК 304.9; 304.2

Космическое мышление – актуальная задача современного образования^{*}

Святохина Галина Борисовна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уфимский государственный университет экономики и сервиса», кафедра «Философия, политология и право», доцент, кандидат философских наук, доцент, Уфа, Россия.

E-mail: svjatog@mail.ru

450078, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145,
Тел.: +7(917) 47 67 350.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Философская традиция отвлеченного мышления, доминирующая сегодня в научно-исследовательской деятельности и в образовании, в силу своей специфики затрудняет формирование единой целостной системы знаний о мире и человеке, не позволяет успешно решать проблему духовного совершенствования человека, повышения культуры его отношений в обществе и с природой.

Результаты: Потенциал для решения названных проблем заключает в себе философская традиция всеединства, целостного подхода, нашедшая свое наиболее логически совершенное и последовательное выражение в Учении Живой Этики – философии космического мышления. Полагаемый в её основание принцип Триипостасной Сущности Абсолюта открывает универсальный алгоритм иерархически самоорганизующегося Проявленного Космического Бытия. Показывая динамику системно-структурной организации духовно-материального мира и места человека в нем, этот подход подводит к осознанию актуальности духовного самосовершенствования человека как эволюционного смысла его космического Бытия.

Область применения результатов: Предложенный целостный синтетический подход философии космического мышления позволяет проникать в более глубокое системное осмысление мира и человека в нем. Использование его в научно-исследовательской деятельности, а также широкое освоение в системе образования открывает новые возможности более успешного решения проблемы духовного совершенствования человека, повышения культуры отношений в обществе и с природой.

Выводы: Философия космического мышления своими сущностными принципами формирует базу синтетического способа осмысления мира. Освоение его через научно-исследовательскую деятельность и систему образования послужит и совершенствованию сознания человека, и

^{*} © Г. Б. Святохина, 2014.

гармоничному образу жизни общества, и дальнейшей космической эволюции человечества.

Ключевые слова: космическое мышление; целостный подход; синтез; Триипостасность Основ Бытия; Абсолют; космические законы; Живая Этика.

Cosmic Thinking as an Important Goal of Modern Education System

Galina Borisovna Svyatokhina – Ufa State University of Economics and Service, Department of Philosophy, Political Science and Law, Associate Professor, Ph. D (philosophy), Ufa, Russia.

E-mail: svjatog@mail.ru

145, Chernyshevsky Street, Ufa city, Republic Bashkortostan, 450078, Russia,
tel: +7(917)476 73 50

Abstract

Background: The philosophical tradition of abstract thinking dominating in research and education nowadays makes it difficult, because of its specific features, to form the unique holistic system of knowledge about the world and humans, does not solve successfully the problem of human spiritual perfection, cultural development of their relationships with society and nature.

Results: One of the ways to solve this problem is the philosophical tradition of holistic approach which was formulated by Living Ethics Doctrine, i. e. the philosophy of cosmic thinking. The principle of the Three-Hypostates Essence of Absolute as its basis develops a universal algorithm of hierarchically self-organized Manifested Cosmic Being. While demonstrating the dynamics of systematic and structured organization of the spiritual and material world and the place of humans in it, this approach explains the actuality of human spiritual perfection as evolution essence of their cosmic Being.

Research implications: The holistic synthetic approach of cosmic thinking philosophy interprets the world and humans place in it more profoundly. Its application in research and education gives new opportunities to solve the problem of human spiritual perfection, cultural development of their relationships with society and nature more successfully.

Conclusion: Cosmic thinking philosophy due to its essence principles forms a synthetic method basis of world's comprehension. Its adoption in research and education will help to perfect human consciousness, the way of life in contemporary society and the further evolution of humankind.

Keywords: cosmic thinking; holistic approach; synthesis; Three-Hypostases Essence of Being; Absolute; cosmic laws; Living Ethics.

Введение. Актуальность космического мышления

После выхода нашего общества из эпохи советской тоталитарной идеологии, исходившей из истинности одной мировоззренческой традиции, основанной на марксизме, современный общеобразовательный курс философии существенно дополнился возможностями осмысления мира в контексте многих ранее недоступных течений и школ западной и восточной философской мысли. Но, несмотря на это, и сегодня нельзя утверждать, что методологически расширившийся инструментарий и в научно-исследовательской деятельности, и в образовании создал необходимые предпосылки для успешного решения проблем, возникающих во всех сферах жизни общества: экономической, политической, социальной, духовной.

В первую очередь, думается, это происходит потому, что в современном образовании и научно-исследовательской деятельности в качестве базовой используется хотя и обогащённая разными подходами, но западная, так называемая отвлечённая методология мышления, имеющая свои корни в новоевропейской традиции. В её основе – разные исторически сложившиеся философские направления (материализм, идеализм, рационализм, эмпиризм, позитивизм, иррационализм и т. д.), которые, по сути, выступают односторонними (с позиции той или иной проекции целостности), условными способами осмысления мира, не заключающими в себе потенциала для их синтетического единения. В этой традиции делается упор на сугубо рационалистическое осмысление разных аспектов реальности, и остаются вне попыток системного осмысления иные методы и способы постижения бытия, о которых говорит мировая философская мысль. Это исключает возможность формирования единой целостной системы осмысления мира, органично включающей в себя не только рационалистически описываемый аспект реальности, но и этико-эстетический, духовный. В то же время это значит, что традиция отвлечённого мышления включает в себе склонность неизбежно порождать системно неучтённую погрешность, которая может накапливаться в результатах мышления, а затем проявляться в практике жизни. Чем более широко мы начинаем применять тот или иной узкий, частный подход, пригодный для системного объяснения явлений только в принятых условных рамках, тем в большей степени возрастает вероятность погрешности мышления и практических разрушительных последствий от их реализации. Также остаётся проблема объективного синтетического критерия истины, который выступал бы маяком в жизни, указывающим правильное направление мысли и деятельности человека.

Как сегодня стало очевидным, доминирование отвлечённых принципов в мышлении или использование их как абсолютных и единственно верных проявилось и в сознании людей, и в практике их жизни отрывом мысли, слова, а порой и дела от живой целостной реальности. В сознании стало формироваться представление о мире не как о связанном воедино, в том числе нравственно-эстетическими принципами, гармонично развивающемся космическом организме, а во многом именно как о случайном образовании, в котором допустимо безнаказанное своеволие, своекорыстие,

безнравственность, безответственность и многие другие человеческие пороки. В научных исследованиях приоритетным стал во многом именно коммерческий интерес, по сути, искажающий истинные цели науки. Например, Б. Г. Юдин пишет: «Преобладающий тип исследований в современной науке – это те, которые вдохновляются не интересом к построению какой-либо новой оригинальной теории, а стремлением создать эффективную технологию с хорошими рыночными перспективами» [1, с. 364]. Подобная специфика мышления и связанная с ней практика деятельности человечества не могли не вносить дисбаланс в систему гармонии мира и в XX веке, на пике, по сути, бездуховного научно-технического развития, и поэтому явились причиной глобального кризиса на планете.

Но главное, пожалуй, состоит в том, что актуализированное в контексте отвлечённой системы мышления желание материального обогащения и власти, по сути, отвлекло человека от поиска истинного смысла космического Бытия, притупило значимость духовного аспекта для его жизни и заслонило горизонты космической эволюции человечества, угрожая ему самоуничтожением. На наш взгляд, сегодня во имя сохранения человечества как никогда важно освоить и в научном осмыслении мира, и в образовании методологические принципы именно целостного подхода.

Критическое отношение русских философов к отвлечённой традиции мышления

Ещё в середине XIX – начале XX веков русские философы отмечали «ограниченный эмпиризм», «узкий и искусственный рационализм» новоевропейской традиции мышления, который и породил, как писал, например, Н. Ф. Федоров, «западно-европейское мнимое “просвещение”, не признающее даже возможности истины всеобщей, ведущее принципиально к розни и к самой нетерпимой будто бы терпимости. Ко лжи философской и религиозной, к войне гражданской или революции и к войне международной (к милитаризму, к индустриализму, создавшему “социальный вопрос”» [2, с. 194]. В предвидении Н. Ф. Федоровым последствий от использования отвлечённой методологии мышления вряд ли можно сомневаться.

Здесь можно добавить и точку зрения Н. А. Бердяева. Подчёркивая однобокость, нецельность и неполноту доминирующих в современном общественном сознании мировоззренческих позиций, Н. А. Бердяев писал: «Мы уже изверились в возможность и плодотворность отвлечённой метафизики. Отвлечённая метафизика была основана на гипостазировании или явлений психической жизни человека, или явлений мира материального, или категорий мышления, мира идей. Так получали спиритуализм, материализм или идеализм. И одинаково ускользала от этих метафизических учений конкретность бытия, бытие как жизнь. Отвлечённые части действительности или отвлечённые идеи познающего выдавались за сущность действительности, за её полноту» [3, с. 22].

Еще раньше В. С. Соловьев, размышляя в сфере учения о познании, приходил к выводу об «односторонности и потому неистинности обоих

направлений философского познания на Западе, а именно направления *чисто рационалистического*, дающего только *возможное* познание, и направления *чисто эмпирического*, не дающего *никакого* познания» [4, с. 176]. Поэтому он писал о необходимости утверждения истинно философского метода, признающего «в качестве *абсолютного всеначала*, вместо прежних абстрактных сущностей и ипостасей – *конкретного всеединого духа*» [4, с. 177]. Последняя же цель и высшее благо, с его точки зрения, достигаются в уничтожении «*исключительного самоутверждения частных существ в их вещественной розни и восстановление их как царства духов, объемлемых всеобщностью духа абсолютного*» [4, с. 177]. А «высшей целью и последним результатом умственного развития» В. С. Соловьев считал универсальный синтез науки, философии и религии. [4, с. 177]. О подобном синтезе писала в своей работе «Тайная Доктрина. Синтез науки, религии и философии» и Е. П. Блаватская на основе проведённого ей уникального сравнительного историко-философского анализа, в том числе идей древних учений, в соотнесении их с новаторскими идеями, высказываемыми современными ей учёными.

По сути, также утверждая идею целостного подхода, отстаиваемую многими отечественными авторами, В. И. Вернадский писал в самом начале XX века: «Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою – и могут быть разделены только в воображении» [5, с. 31]. Подобных высказываний русских философов, среди которых С. Н. и Е. Н. Трубецкие, П. А. Флоренский, К. Э. Циолковский и другие, можно привести множество. По сути, все они свидетельствуют о насущной необходимости более внимательного осмысления особенностей целостного подхода.

Особенности философии космического мышления

Из сказанного ранее вытекает, что для того, чтобы освоить целостный подход, необходимо приложить особые усилия для обретения способности синтетического восприятия мира. Что говорили на этот счёт русские философы?

Например, П. А. Флоренский настаивает на важности духовного начала как в жизни, так и в системе познания для *цельного* восприятия мира, которое потеряло свою значимость в новоевропейской традиции. Отмечая бездуховность разлагающей научной идеологии, под влиянием которой распались и теперь даже в мыслях не предполагают слияния и не образуют единого целого такие начала внутренней жизни как святость, красота, добро, польза, П. А. Флоренский указывает на нетронутость в этом смысле народной души. Он пишет: «Тут целен человек. Польза не есть только польза, но она и добро, она и прекрасна, она и свята. ... Знание крестьянина – цельное,

органически слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентное же знание – раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, внешне взято им на себя» [6, с. 10 – 11].

Фактически указывая на причину такого раздробленного мировосприятия, Б. П. Вышеславцев отмечает, что для европейского учёного, располагающего разнообразным знанием, совершенно отдельно живёт «сердце, потерявшее своё великое значение, свою центральность, своё право быть фундаментом всего. – И подчеркивает, – ... вся эта безрелигиозная цивилизация хочет лишить сердце его центрального положения и дать это центральное положение уму, науке, познанию» [7, с. 71]. То есть среди ключевых элементов целостного подхода – развитая духовность и приоритет сердца как органа синтетического мировосприятия.

Н. А. Бердяев, отмечая путь *сверх-рационализма*, по которому идёт русская философия и религиозная мысль, поясняет: «Мир знания и мир веры прежде всего даны нам как разные совершенно порядки, которые могут и должны быть сведены в одну плоскость, но на почве веры, а не знания» [8, с. 261 – 262].

Мысли о насущной необходимости целостного познания высказывает и Е. П. Блаватская: «Чтобы создать из науки завершённое *целое*, истинно требуется изучение духовной и психической, так же как и физической Природы. Иначе она навсегда останется в положении анатомии человека, которая в старину обсуждалась невеждами со стороны его внешней оболочки при полном невежестве внутреннего строения» [9, с. 734.].

Учение Живой Этики, отмечая ведущую роль в истинном синтетическом познании именно утончённого духовного восприятия мира человеком, подчёркивает: «Религия и наука не должны расходиться в своей сущности ... все великие открытия для блага человечества не будут исходить от огромных лабораторий, но будут находимы духом учёных, которые обладают синтезом» [10, с. 478].

Таким образом, русская философская мысль в лице разных её представителей остро ставит вопрос о нецелостности исследовательской методологии в новоевропейской системе познания и высказывает твёрдое убеждение, основной смысл которого может быть выражен такими словами Н. А. Бердяева, что разум «должен прекратить своё изолированное, отвлечённое существование и органически воссоединиться с цельной жизнью духа, только тогда возможно в высшем смысле разумное познание» [11, с. 30]. Л. В. Шапошникова, определяя эту историко-философскую тенденцию, проявляющуюся в философии русского космизма и Учении Живой Этики как становление космического мышления, пишет: «Синтетическое слияние в этой системе познания духовного и материального, видимого и невидимого, древних знаний и современных, мысли восточной и западной позволяет расширить возможности системы до космических масштабов Высшей Реальности» [12, с. 911].

Для русских философов, как видно, вера в познании призвана совсем не дублировать или заменять собою решение эмпирических, абстрактных, или формально-логических научных задач, а привносить в процесс накопления и

использования полученных знаний свою особую лепту. Истинная вера в познании связана в своём проявлении не с деятельностью мозга, а именно сердца. Она, по сути, служит установлению глубинной духовной связи человека с Основами Бытия как с чистым источником жизни и призвана служить не только облагораживанию его внутреннего мира обретением духовных качеств, в том числе высокого чувства ответственности за свои деяния, но также служить формированию в нём способности к синтезу, а, следовательно, кардинальному развитию его познавательных способностей.

Очевидно, у многих русских философов, работающих в контексте целостного подхода, была развита в той или иной степени духовная способность к синтезу. Именно она утончённым качеством своей энергии во многом и открывала возможность обретения знаний метафизического, сверх-рационального порядка. Несомненно, что у Е. И. Рерих была особенно высоко развита такая способность синтетического целостного мировосприятия и духовного сотрудничества, позволившая ей донести людям глубочайшие знания о Космосе и законах космического Бытия в виде Учения Живой Этики и обширного эпистолярного наследия, разъясняющего наиболее сложные вопросы. Духовная чуткость позволяла ей системно осмысливать вопросы метафизического порядка, в том числе относящиеся к единству веры и знания.

Так, разъясняя важные принципиальные моменты Учения Живой Этики, касающиеся Основ Бытия, она писала, что Абсолют Един и вмещает понятие Непроявленного и Проявленного, то есть указывала на цикличность процессов, свойственных Его универсальной самоорганизующейся целостности. Она отмечала, что только Проявленный Космос может являться на беспредельном раскрытии. Космос Непроявленный – вне времени и Пространства – не может быть познан, но лишь осознан. Говоря об особенностях синтеза, она писала: «Осознание есть Синтез. Синтез есть обобщение процессов Бытия Видимого и Невидимого. Знание есть ограниченная ступень познания. Само познание явлено вне Времени и Пространства» [13, с. 252.]. То есть целостный подход, формируемый в контексте космического мышления, предполагает не просто духовную связь с Основами Бытия, но осознание принципов Их структурной организации, которые находят своё проявление в космическом Бытии и предполагают использование адекватного исследовательского инструментария.

Некоторые мысли о принципах структурной организации Основ Бытия были высказаны мной в статье «Философия космического мышления как исследование и образ жизни» [14]. Дополним их ещё некоторыми суждениями, возникшими в процессе размышлений над трудами русских философов и Учением Живой Этики.

Сущность Абсолюта предстаёт в *единстве* двух первичных аспектов: *Субъекта* (Я, Эго-аспект Единого) и *Объекта* (Основа – материальный аспект), в своём взаимопроявлении рождающих развивающийся духовно-материальный Мир, Космос. С одной стороны, *Сущность* Абсолюта, по сути, есть *Корень* и *Исток* Проявленного духовно-материального Бытия, а с другой – *Исход*, задающий цель и *Критерий* истинного Бытия. Их неразрывное Единство даёт

Образ или алгоритм универсальной динамичной самоорганизующейся целостности Абсолюта в силу своей двойственной духовно-материальной природы, вечно циклически проявляющейся в беспредельном многообразии иерархически взаимосвязанных форм развивающегося космического Бытия. Ступень Бытия в системе циклической иерархической организации Космоса, уходящей в Беспредельность, свидетельствует об уровне эволюционного развития конкретной формы жизни, выражающейся в степени и масштабах практического овладения ею принципом самоорганизации.

Динамичное сущностное единство Субъекта (Духовного Я) и Объекта (Материальной Основы) Абсолюта, рассматриваемое в единой энергетической системе самоорганизующейся целостности Абсолюта как Сердце (если пользоваться терминологией Учения Живой Этики), в своём проявлении, по сути, предстаёт в триединстве взаимно обуславливающих друг друга Ипостасей: Жизни, Разума, Любви. Они же, в свою очередь, в контексте энергетического мировоззрения могут быть осмыслены как структурные элементы цикла Спирального Движения [9, с. 167] как такового, имеющего бесконечный спектр характеристик его образующих и их сочетаний, что и объясняет многообразие Бытия. Говоря о структуре мироздания, Е. И. Рерих писала: «Все энергии являются вибрациями различной силы и проявляются спирально» [13, с. 390]. Этот принципиальный подход созвучен с волновой теорией света, но в силу своего синтетического характера открывает возможность целостного осмысления Реальности, то есть не только с позиции физики, но и метафизики также, если выявить содержательный смысл Ипостасей. Рассмотрим его.

Так, в контексте данного подхода Жизнь Абсолютного Я (в проявлении – Духовного Я или Духа) являет собой принцип целостности, реализующийся в Вечности и в Беспредельности возможных эволюционирующих форм жизни. Как таковой он возможен на основе деятельности Сердца или животворящего центра (проявленного через материальную Основу Я Абсолюта или зерна Духа) каждой рождаемой формы жизни, возникающей в составе большей, самоорганизующейся на принципе Разума (как Я – не-Я – не-не-Я через цикл взаимодействия духа с разными степенями материальности от состояния наиболее утончённого Мира Огненного через Мир Тонкий к Миру Плотному и обратно) или, согласно современным научным представлениям, системы с полной обратной связью. Осуществление подобной цикличности Бытия возможно на основе универсальной энергии Сердца – Любви, служащей принципиальным условием рождения всего многообразия форм жизни, их развития и гармоничного единения в иерархически организующуюся целостность Разумного Космического Бытия. «Всенаچальная энергия, или всесвязующая мощь, является главным рычагом в процессе Мироздания. Всесвязующая мощь проявляется, прежде всего, в центре СЕРДЦА» [13, с. 245].

В основе жизнестроительства Проявленного Абсолюта или в космическом Бытии – Духовная Космическая Иерархия Разумных Существ, находящихся на восходящей ветви космической эволюции, то есть овладевших Знаниями о законах космического Бытия и опытом их гармоничного применения во Общее

Благо. Уходящая в Беспредельность в степенях своего духовного развития Духовная Космическая Иерархия в лице своих Представителей на каждом уровне космического Бытия своей Мудростью и энергией Любви незримо обеспечивает порядок и условия эволюционного развития всех остальных форм жизни. Человек – космическое существо, находящееся в самом начале этого восхождения, поэтому нуждающееся в Их опеке и получающее её в виде знаний, опыта, условий для жизни. Сегодня человеку важно понять, что, вступая на лестницу восходящей ветви эволюции, ему необходимо обретать знания о законах космического Бытия, служащих гармонии мира, и применять их в практике жизни. В противном случае, если он в решении своих эволюционных задач не укладывается в срок определённого текущего цикла, то у него не останется выбора, кроме как идти в инволюцию для повторных восхождений.

Осознание именно Любви в разных формах её проявления как критерия истинного Бытия, несомненно, подтолкнёт очень многих к высшим устремлениям в жизни и деятельности, к самосовершенствованию, что позволит им сделать шаг вперёд в эволюционном космическом развитии.

Заключение

Наличие в образовательных программах учебной дисциплины «Философия космического мышления» как части гуманитарного цикла подготовки студентов и аспирантов и впоследствии использование этих идей в практике жизни, несомненно, способствовало бы решению многих современных проблем и актуальных задач, стоящих перед обществом.

Освоение идей и принципов космического мышления создаст основу целостного синтетического подхода в осмыслении мира, послужит выработке умения использовать знания о законах космического бытия, природы, человека и общества в решении экологических, экономических, социальных и других проблем и противоречий современности. Это обстоятельство также позволит в высшей степени достойно представлять отечественную культуру, в том числе философскую, на мировом уровне.

Список литературы

1. Юдин Б. Г. В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания // Этос науки. – М.: Academia, 2008. – 544 с.
2. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. В 2 т. Т. 2. – М.: АСТ, 2003. – 592 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
4. Соловьёв В. С. Философское начало цельного знания. – Минск: Харвест, 1999. – 912 с.
5. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. – М.: Наука, 2000. – 504 с.
6. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.

7. Вышеславцев Б. П. Значение сердца в религии // Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1. – М.: Информ-Прогресс, 1992. – 752 с.
8. Бердяев Н. А. Католический модернизм и кризис современного сознания // Духовный кризис интеллигенции. – М.: Канн, ОИ «Реабилитация», 1998. – 400 с.
9. Блаватская Е. П. Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии. В 2-х тт. Т. 1. Космогенезис. – М.: Прогресс-Культура, 1992. – 845 с.
10. Мир Огненный, ч. 3 // Агни-Йога. В 3-х тт. Т. 2. – Самара: Рериховский Центр духовной культуры, 1992. – 712 с.
11. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
12. Шапошникова Л. В. Великое путешествие. Кн. 3. Вселенная Мастера. – М.: Международный Центр Рерихов, 2005. – 1088 с.
13. Рерих Е. И. У порога Нового Мира – М.: Международный Центр Рерихов, 2000. – 464 с.
14. Святохина Г. Б. Философия космического мышления как исследование и образ жизни // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – №2. – С. 126 – 132. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=713> (дата обращения 30.11.2014).

References

1. Yudin B. G. A Man in the Focus of Research: Ethical Regulators of Scientific Knowledge [V fokuse issledovaniya – chelovek: eticheskie regulyativy nauchnogo poznaniya]. *Etos nauki* (The ethos of science). Moscow, Academia, 2008, 544 p.
2. Fedorov N. F. The Philosophy of the Common Task. Vol. 2 [*Filosofiya obshchego dela. V 2 t. T. 2*]. Moscow, AST, 2003, 592 p.
3. Berdyaev N. A. Freedom and the Spirit [*Filosofiya svobodnogo dukha*]. Moscow, Respublika, 1994, 480 p.
4. Solovev V. S. The Philosophical Principles of Integral Knowledge [*Filosofskoe nachalo tselnogo znaniya*]. Minsk, Kharvest, 1999. 912 p.
5. Vernadskiy V. I. Works on Philosophy of Natural Sciences [*Trudy po filosofii estestvoznaniya*]. Moscow, Nauka, 2000, 504 p.
6. Florenskiy P. A. The Pillar and Ground of the Truth: an Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters [*Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pismakh*]. Moscow, AST, 2003, 640 p.
7. Vysheslavtsev B. P. The Meaning of the Heart in Religion [Znachenie serdtsa v religii]. *Put. Organ russkoy religioznoy mysli. Kniga 1* (The Way. The Body of Russian Religious Thought). Moscow, Inform-Progress, 1992, 752 p.
8. Berdyaev N. A. Catholic Modernism and the Crisis of the Contemporary Consciousness [Katolicheskiy modernizm i krizis sovremennogo soznaniya]. *Dukhovnyy krizis intelligentsii* (The Spiritual Crisis of the Intelligentsia). Moscow, Kann, OI “Reabilitatsiya”, 1998, 400 p.
9. Blavatskaya E. P. The Secret Doctrine, the Synthesis of Science, Religion and Philosophy. Vol. 1. Cosmogenezis [*Taynaya doktrina: sintez nauki, religii i filosofii. V 2-kh tt. T. 1. Kosmogenezis*]. Moscow, Progress-Kultura, 1992, 845 p.

-
10. Fiery World. Part 3 [Mir Ognenny, ch. 3]. *Agni-Yoga. V 3-kh tt. T. 2* (Agni Yoga. Vol. 2). Samara, Rerikhovskiy Tsentr dukhovnoy kultury, 1992, 712 p.
 11. Berdyaev N. A. The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act [*Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*]. Moscow, Pravda, 1989, 607 p.
 12. Shaposhnikova L. V. Great travel. Book 3. Universe of the Master [*Velikoe puteshestvie. Kn. 3. Vselennaya Mastera*]. Moscow, Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov, 2005, 1088 p.
 13. Roerich H. I. At the Threshold of the New World [*U poroga Novogo Mira*]. Moscow, Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov, 2000, 464 p.
 14. Svyatokhina G. B. The Philosophy of Cosmic Thinking as Research and as a Life Style [*Filosofiya kosmicheskogo myshleniya kak issledovanie i obraz zhizni*]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, №2, pp. 126 – 132. Available at: <http://fikio.ru/?p=713> (accessed 30 November 2014).

От редакции**Реплика на статью Г. Б. Святохиной «Космическое мышление – актуальная задача современного образования»**

Статья Галины Борисовны Святохиной поднимает важную и актуальную проблему – использование традиционных идей русской философии космического мышления в современной науке и образовании. Мы во многом разделяем мнение автора о значительной роли этих идей в истории отечественной философии и культуры, однако считаем важным кратко сформулировать свое отношение к ним, опираясь при этом на принципы современной научной, материалистической философии.

Главное, что представляется спорным в статье Г. Б. Святохиной – это стремление рассматривать религиозно-мифологическую систему взглядов и понятий ряда выдающихся русских философов как наиболее адекватную современному уровню развития познания, не требующую глубокой критической оценки и перевода на строго научный язык. Так, например, понятие Сердца (именно с большой буквы) как принципа человеческого познания и универсальной энергии космического бытия – категория неопределенная, религиозно-мифологическая, в научной материалистической и даже идеалистической литературе она давно заменена на более строгие и определенные категории. Констатируемое Г. Б. Святохиной утверждение цитируемых русских философов-идеалистов о том, что целостное мышление есть продукт базирования разума *на вере* («Сердце») свойственно не только русской религиозной философии. Это же утверждал, как известно, классик средневековой философии Запада Фома Аквинский. В противоположность этому русские космисты начала XX века (Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, Н. Г. Холодный, А. Л. Чижевский) полагали *научное знание* основанием гуманистической веры «в доброту Космоса». Именно их научное мировоззрение может быть действительной основой космического мышления в научно-философской парадигме. Говоря не метафорическим, а строгим научным языком, орган человеческого мышления, создающего и религиозную веру, и науку – все-таки не сердце, а мозг. С точки же зрения автора статьи, мифологические и религиозные понятия по существу включают в себя научные, преодолевают их, несут более глубокое содержание.

С нашей точки зрения, соотношение этих понятий другое. Так, законы космического бытия у Е. И. Рерих логичнее рассматривать как предварительный, первоначальный подход к определению наукой места человека (с его мыслями, разумом, этическими представлениями) в развитии реального, объективного мира. Это мифологическое и художественное осмысление связи человека и космоса, но никак не исследование онтологических, объективных законов Вселенной. Оно ценно как художественный образ и как подход к научной концепции осмысления человеком своего места в космосе. В науке это осмысление будет включать в

себя уже не изучение взаимодействия сверхъестественного духа с разными ступенями материальности и не исследование вымышленных объектов и сущностей (Абсолюта, Высшей реальности, Проявленного и Непроявленного космоса, зерен Духа – даже если все эти слова написать с большой буквы, обозначаемые ими мифологические объекты во Вселенной не возникнут).

Рассмотрение вымышленных объектов как существующих на самом деле, объективно – важнейший принцип мифологического и религиозного освоения мира. Однако он еще не дает возможности научно, объективно, адекватно осмысливать реальную действительность. Представляется, что современная философия вполне способна отойти от туманных религиозно-мифологических представлений и решить более сложную задачу. Научная философия должна рассмотреть историю религиозно-мифологических представлений о связи человека и космоса как трудную, полную ошибок историю осмысления обществом своего реального места во Вселенной, которое можно адекватно описать на основе современной материалистической картины мира. Напомним, что философский материализм – не один из односторонних и условных способов понимания мира, как считает автор статьи. Материализм исходит из базовой установки на понимание мира таким, каков он есть сам по себе, без всяких посторонних прибавлений (Ф. Энгельс) – будь то вымышленный мир идей, высшая реальность, абсолют с триипостасной сущностью и т. п. Все это, конечно, не ставит под сомнение существование возможности осмысления космоса и человека через мифологию и искусство как особые, вненаучные формы познания, однако такие формы неправильно считать более совершенными, чем наука. Они не включают ее в себя и не преодолевают научное сознание в каком-то всеобщем высшем синтезе, подобно тому, как не преодолевают и не включают в себя научные исследования детские сказки (возникшие на основе мифологии) или театральные спектакли, показывающие по-своему интересно и глубоко развитие человеческих чувств, мыслей и настроений.

Представляется, что космическое мышление в современном смысле есть научно-философский синтез естественнонаучного материализма (В. И. Вернадский) и социально-научного материализма (К. Маркс, В. И. Ленин). В российском научном сообществе к уровню космического мышления приближались такие пионеры освоения космоса, как ученые-инженеры С. П. Королев, К. П. Феоктистов, Б. В. Раушенбах, Г. Т. Береговой, В. В. Горбатко, Г. М. Гречко и другие исследователи. Все они бережно относились к космической парадигме великого Константина Циолковского: освоение космического пространства на научно-гуманистической основе даст человечеству «бездну могущества и горы хлеба».

С нашей точки зрения, использование философии космического мышления в учебном процессе сможет гораздо эффективнее способствовать решению задач, стоящих перед обществом, только в том случае, если мы сумеем перейти от туманных мифологических интерпретаций этих проблем у русских философов конца XIX – начала XX века к современному их исследованию и прочтению на основе достижений науки XXI века. Это действительно

позволило бы достойно представлять отечественную философскую культуру и на мировом уровне. Опыт такого научно-материалистического осмысления места человека в космосе, во Вселенной, в развитии материального мира уже есть в российской философии последних десятилетий [см., например: 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

*Член редакционного совета В. Д. Комаров
Главный редактор С. В. Орлов*

Letter from Editor-in-Chief

The Paper of G. B. Svyatokhina ‘Cosmic Thinking as an Important Goal of Modern Education System’

Abstract

The paper of Associate Professor G. B. Svyatokhina deals with the tradition of cosmic thinking in Russian idealistic philosophy. We agree with her opinion that this tradition has a great influence on our national philosophy and culture. But at the same time we must stress the importance of scientific and materialistic tradition in Russian cosmism. Nowadays we can interpret the idealistic conception of relations between cosmos and humanity only as an approach to a modern scientific view but not as a description of the real world.

*Member of the Editorial Board V. D. Komarov
Editor-in-Chief S. V. Orlov*

Список литературы

1. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. – Пермь: Пермский государственный университет, 1974. – 397 с.
2. Орлов В. В. Человек, мир, мировоззрение. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 220 с.
3. Орлов С. В., Дмитренко Н. А. Человек и его потребности: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 160 с.
4. Турсунов А. Д. Философия и современная космология. – М.: Политиздат, 1977. – 191 с.
5. Урсул А. Д. Человечество, Земля, Вселенная (Философские проблемы космонавтики). – М.: Мысль, 1977. – 264 с.
6. Урсул А. Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 336 с.
7. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1989. – 559 с.
8. Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум / Под ред. Н. С. Кардашева и В. И. Мороза. – 6-е изд., доп. – М.: Наука, 1987. – 320 с.

References

1. Orlov V. V. Matter. Development. Man [*Materiya, razvitie, chelovek*]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy universitet, 1974, 397 p.
2. Orlov V. V. Man, Universe, Worldview [*Chelovek, mir, mirovozzrenie*]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1985, 220 p.
3. Orlov S. V., Dmitrenko N. A. Man and His Needs [*Chelovek i ego potrebnosti*]. Saint Petersburg, Piter, 2008, 160 p.
4. Tursunov A. D. Philosophy and Modern Cosmology [*Filosofiya i sovremennaya kosmologiya*]. Moscow, Politizdat, 1977, 191 p.
5. Ursul A. D. Mankind, Earth. Universe (Philosophical Problems of Astronautics) [*Chelovechestvo, Zemlya, Vselennaya (Filosofskie problemy kosmonavtiki)*]. Moscow, Mysl, 1977, 264 p.
6. Ursul A. D. The Phenomenon of Noosphere: Global Evolution and Noosphere Genesis [*Fenomen noosfery: Globalnaya evolyutsiya i noosferogenez*]. Moscow, LENAND, 2015, 336 p.
7. Frolov I. T. On Human and Humanism: Selected Works of Different Years [*O cheloveke i gumanizme: Raboty raznykh let*]. Moscow: Politizdat, 1989, 559 p.
8. Shklovskiy I. S. (Kardashev N. S., Moroz V. I. Eds.) Universe, Life, Intelligence [*Vselennaya, zhizn, razum*]. Moscow, Nauka, 1987, 320 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 338.24

Кросскультурный менеджмент и корпоративная культура^{*}

Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта Калмыцкого государственного университета, тема «Корпоративная культура Калмыцкого государственного университета»

Бадмаев Валерий Николаевич – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет», заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор философских наук, Элиста, Россия.

E-mail: badmav07@yandex.ru

Россия, 358014, Республика Калмыкия, г. Элиста, Пушкина, 11,
тел: 8 961 84 43 773

Уланов Мерген Санджиевич – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, доктор философских наук, доцент, Элиста, Россия.

E-mail: ulanov1974@mail.ru

Россия, 358014, Республика Калмыкия, г. Элиста, Пушкина, 11,
тел: 8 961 54 11 138

Авторское резюме

Состояние вопроса: Кросскультурный менеджмент как исследовательская дисциплина сложился в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Предметом его исследования является управление отношениями, возникающими на стыке национальных культур, изучение причин межкультурных конфликтов и их нейтрализация, выяснение и использование в управлении поведенческих закономерностей, присущих национальной деловой культуре. Возникновение интереса к этой проблематике было обусловлено ускорением процессов интернационализации и глобализации хозяйственной жизни.

Результаты: Первые исследования по кросскультурному менеджменту были написаны, как правило, профессиональными консультантами в области управления и являлись итогом их личного опыта и наблюдений. Выделяют четыре основных типа корпоративной управленческой культуры, которые получили условные названия: «Семья», «Управляемая ракета», «Инкубатор» и «Эйфелева башня». К наиболее удачным подходам в изучении национального фактора в организационной культуре и менеджменте можно отнести модели

^{*} © В. Н. Бадмаев, М. С. Уланов, 2014.

Ф. Тромпенаарса, Г. Хофстида, Г. Лэйн и Дж. Дистефано, У. Оучи. Учет психологических и культурных особенностей, составление на их основе «культурных карт» организаций являются важнейшими составляющими успеха менеджмента.

Область применения результатов: Понимание важности кросскультурных поведенческих особенностей различных национальных культур сегодня признается и используется в мировой управленческой практике.

Выводы: Учет психологических и культурных особенностей, составление на их основе «культурных карт» организаций являются важнейшими составляющими успеха менеджмента.

Ключевые слова: кросскультурный менеджмент; корпоративная культура; хозяйственная культура; управление; ментальность.

Cross-Cultural Management and Corporate Culture

Badmaev Valery Nikolaevich – Kalmyk State University, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Elista, Russia.

E-mail: badmav07@yandex.ru

11, Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358014, Russia.

tel: +7 961 84 43 773

Ulanov Mergen Sandzhievich – Kalmyk State University, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Elista, Russia.

E-mail: ulanov1974@mail.ru

11, Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358014, Russia.

tel: +7 961 54 11 138.

Abstract

Background: Cross-cultural management as a research field developed in the late 1960s – early 1970s. The subject of its research is the relationship between different national cultures, the study of cross-cultural conflicts and their neutralization, and clarification and use of behavioral regularities inherent in a national business culture. The emergence of interest in this problem was caused by the acceleration of internationalization and globalization processes in economy.

Results: The first studies on cross-cultural management were made, as a rule, by professional consultants in the field of management and are the result of their personal experience and observations. There exist four main types of corporate management culture which were termed ‘Family’, ‘Guided missile’, ‘Incubator’, ‘the Eiffel Tower’. F. Trompenaars, G. Hofstede, H. W. Lane and J. J. Distefano, Y. Ouchi models are considered to be the most constructive approaches while studying the national factor in corporate culture and management.

Research implications: Understanding the importance of cross-cultural behavioral characteristics of different national cultures is recognized and used in management practices all over the world.

Conclusion: Taking into account psychological and cultural characteristics, drawing on their basis "cultural maps" of organizations are the most important ingredients of successful management.

Keywords: cross-cultural management; corporate culture; economic culture; management; mentality.

Кросскультурный менеджмент как исследовательская дисциплина сложился в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Предметом его исследования являются управление отношениями, возникающими на стыке национальных культур, изучение причин межкультурных конфликтов и их нейтрализация, выяснение и использование в управлении поведенческих закономерностей, присущих национальной деловой культуре [см.: 5, с. 117]. Возникновение интереса к этой проблематике было обусловлено ускорением процессов интернационализации и глобализации хозяйственной жизни. Первые исследования по кросскультурному менеджменту были написаны, как правило, профессиональными консультантами в области управления и являлись итогом их личного опыта и наблюдений.

Со второй половины 1970-х годов работы в области кросскультурного менеджмента приобретают более регулярный характер. Осуществляется сбор эмпирического материала и его систематизация. При этом в основном используются два метода исследования:

- сбор фактов посредством наблюдения за поведением сотрудников многонациональных корпораций с последующим обобщением;
- анкетирование сотрудников и менеджеров многонациональных корпораций, проводимое в их национальных филиалах, с последующим сравнением результатов.

На основе собранной и систематизированной информации в начале 80-х годов предпринимаются попытки классификации типов бизнес-культур. Выделяются классификационные параметры или характеристики. Наибольшую известность получили классификационные параметры, разработанные голландскими исследователями Гертом Хофстидом [9], Фонсом Тромпенаарсом [12] и американским ученым Эдвардом Холлом [8]. Из трудов отечественных ученых можно отметить работы В. Д. Голикова [2], Я. Я. Кузнецова [3], С. П. Мясоедова [4], Л. М. Симоновой, Л. Е. Стровского [7] и др.

Рассмотрим следующие культурные параметры и характеристики:

- параметры культуры, влияющие на управление организацией (или параметры воздействия общей культуры на корпоративную культуру);
- параметры национальной культуры, влияющие на организацию.

Воздействие культуры на управление организацией

Тип корпоративной культуры во многом определяется с помощью трех важнейших характеристик: степень централизации управления, степень его формализации и объект, на который в первую очередь направлен процесс управления. Соотношение степени централизации и степени формализации в

практике управления различных стран может сильно варьировать, а объект управления – меняться.

На основе указанных характеристик исследователи выделяют четыре типа корпоративной управленческой культуры, которые получили следующие условные названия: «Семья», «Управляемая ракета», «Инкубатор» и «Эйфелева башня» (приведенная классификация была разработана голландским ученым Фонсом Тромпенаарсом).

Типы культур «Инкубатор» и «Управляемая ракета» относятся к эгалитарным культурам, где расстояние между верхними и нижними уровнями управления незначительное и, следовательно, степень централизации управления низка. Наиболее яркими представителями этих культур являются: США и Канада – тип «Инкубатор» и англо-саксонские и североевропейские страны – тип «Управляемая ракета».

Напротив, культуры типа «Семья» и «Эйфелева башня», характерные для Юго-Западной и Центральной Европы, соответственно, являются иерархичными, с ограниченным делегированием власти и отличаются высокой степенью централизации в управлении. Отношения в «Семье» и «Инкубаторе» характеризуются низкой степенью формализации. В «Управляемой ракете» и «Эйфелевой башне» – высокой (см. табл. 1) [см.: 5, с. 120].

Таблица 1 – Типы национальных управленческих культур
(кросскультурный аспект)

Тип культуры	«Семья»	«Управляемая ракета»	«Инкубатор»	«Эйфелева башня»
Степень централизации управления	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая
Степень формализации управления	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Объект ориентации	Реализация указаний сверху	Решение определенной задачи	Развитие личных способностей	Определение ролевых функций
Некоторые страны и регионы	Азия, арабские страны, Латинская Америка, Юго-Западная Европа, Россия и СНГ	Северная Европа, Англия	США, Канада	Германия, Центральная Европа

Культура типа «Инкубатор» в наибольшей степени направлена на развитие личности, и, следовательно, важнейшим аспектом мотивации для работника здесь выступает возможность совершенствования и самореализации. «Управляемая ракета» больше ориентируется на решение конкретной задачи или достижение конкретного результата. Данный тип культуры после

определения задачи подразумевает максимальную степень делегирования управленческих функций вниз.

«Эйфелева башня» имеет ярко выраженную ролевую ориентацию. Здесь происходит детальное определение функциональных обязанностей для каждого работника на каждом уровне управленческой вертикали. Характерным является также тщательный контроль за исполнением детально прописанных функциональных обязанностей. Попытки их спонтанного перераспределения пресекаются.

Наконец, тип культуры «Семья» также ориентируется на исполнение указаний свыше. Структура управления носит ярко выраженный иерархический характер. Однако функции нижестоящих звеньев четко не формализованы. Система в целом базируется на патерналистской установке: инициатива и усилия подчиненных должны соответствовать пожеланиям и приказам руководителя (своего рода «отца» семейства).

Попытки насаждения корпоративной культуры, не соответствующей менталитету и традициям той или иной страны, контексту ее общей деловой культуры, обычно приводят к управленческим неудачам. Они сталкиваются с системой ценностей и стереотипов местных работников.

Известно, что знаменитые японские «кружки качества» не получили развития в Европе и США. «Кружки качества» как элемент организационной культуры действительно показали в Японии свою высокую эффективность и способствовали повышению производительности японских фирм. Однако попытки перенести этот опыт на американские и западноевропейские предприятия не принесли ожидаемых результатов, как это имело место в Японии. Это стало свидетельством того, что приобретенное в рамках национальной культуры ею и поддерживается, и развивается, а при перенесении на другую «почву» может потерять эту поддержку и в конечном итоге не состояться. В каждой стране существует специфический, наиболее эффективный в данных условиях стиль управления, во многом детерминируемый ее культурными характеристиками.

Национальная культура в данном контексте определяет то, как ее представители выполняют различные роли в жизни данного общества. Культурные факторы гораздо более сложны и неоднозначны по сравнению с факторами политическими или экономическими. Культура неосвязаема, но при этом она присутствует во всех сферах человеческой деятельности. Мировой опыт показывает: международные компании должны изучать местную культуру и эффективно пользоваться этими знаниями. Для практики управления важно получить от теории ответ на два вопроса: что необходимо знать о национальной культуре, чтобы учесть ее влияние на культуру организации, и можно ли «сращивать» элементы разных национальных культур в рамках одной организации?

Они могут рассматриваться на трех уровнях взаимодействия:

- национальная культура – всемирная культура;
- культура одной группы – культура другой группы;
- культура индивида – национальная культура.

Понятие «культура» в данном случае определяется как устоявшаяся совокупность ценностных ориентиров и поведенческих стереотипов, принятых в данной стране и усвоенных личностью. По выражению одного из ведущих исследователей проблематики кросскультурного менеджмента, голландского ученого Г. Хофстида, культура – это своего рода «программное обеспечение интеллекта» (software of the mind). Источники интеллектуального программирования личности, по его мнению, создаются социальной средой, в которой эта личность воспитывается и приобретает жизненный опыт [см.: 5, с. 114].

Ответ на эти вопросы может дать рассмотрение ряда известных подходов и моделей изучения национального фактора в организационной культуре и менеджменте.

Модель Г. Хофстида

Большой популярностью пользуется подход к изучению национального фактора в организационной культуре, разработанный Г. Хофстидом. В проведенном им исследовании приняли участие 117 тысяч сотрудников корпорации IBM из 40 стран мира, что позволило выделить основные характеристики систем ценностей национальных культур, влияющие на взаимоотношение как между организациями, так и между сотрудниками в компаниях. Это следующие переменные [см.: 10]:

- дистанция власти;
- индивидуализм;
- мужественность;
- стремление избежать неопределенности;
- долгосрочность ориентации.

При этом под первой переменной, названной **дистанцией власти**, понимается степень неравенства между людьми, которую население данной страны считает нормальной. Низкая степень характеризуется относительным равенством в обществе, а высокая – наоборот, иерархической структурой.

Вторая переменная характеризуется двумя полюсами: **индивидуализмом**, или степенью, с которой люди данной страны предпочитают действовать как индивиды, а не как представители определенной группы. Высокая степень этой переменной означает, что в обществе ценится свободная социальная структура, в которой каждый человек должен сам заботиться о себе. Вторым полюсом выступает **коллективизм** (или низкая степень индивидуализма). В коллективистских обществах предпочтение отдается жесткой социальной структуре, члены которой контролируют действия друг друга, а организации защищают интересы своих членов.

Третья переменная также имеет два полюса: **мужественность и женственность**, отражающие то, как люди данной культуры относятся к ценностям типа «настойчивость» и «самоуверенность», «высокий уровень работы», «успех и конкуренция», которые ассоциируются почти везде в большей мере с ролью мужчины. Эти ценности отличаются от «нежных» ценностей, отражающих устойчивость человеческих взаимоотношений,

совместной работы, группового принятия решений, качества жизни и ассоциируемых преимущественно с ролью женщины. Речь идет о преобладании в обществе образцов поведения, присущих либо представителям мужского, либо женского пола. Роль женщины отлична от роли мужчины во всех странах, но в «жестких» обществах это различие больше, чем в «нежных».

Четвертая переменная получила название **«стремление избегать неопределенности»** и может быть определена как степень, с которой люди данной страны оказывают предпочтение структурированным определенным ситуациям в противоположность неструктурированным. Структурированными являются ситуации с ясными и четкими правилами того, как следует себя вести. Эти правила могут быть формализованы или поддерживаться традициями. В странах с высокой степенью стремления избегать неопределенности члены общества в условиях неоднозначности и двусмысленности испытывают чувство дискомфорта, тревоги, неуверенности и стремятся к определенности и стабильности. В противоположном случае люди ведут себя и работают более спокойно и систематично, терпимо относятся к непредсказуемости, неясности и отсутствию жестких структур. В странах с высокой степенью стремления избегать неопределенности преобладает мнение, что все «не наше и непривычное» представляет опасность. При низкой степени стремления избегать неопределенности все «не свое и непривычное» вызывает познавательное отношение.

Пятая переменная измеряется **долгосрочной** или **краткосрочной ориентацией** в поведении членов общества. Долгосрочная ориентация характеризуется направленностью на перспективу и проявляется в стремлении к сбережениям и накоплению, в упорстве и настойчивости в достижении целей. Краткосрочная ориентация отличается взглядом в прошлое и настоящее и проявляется через уважение традиций и наследия, через выполнение социальных обязательств.

Данные, полученные Г. Хофстидом по измерению этих переменных по десяти странам, показаны в табл. 2 [1, с. 461]. Следует подчеркнуть, что не все люди в каждой из обследованных стран чувствуют и действуют в точности в соответствии с полученными баллами.

Таблица 2 – Результаты измерения в баллах переменных культур по десяти странам (по Г. Хофстиду)

Страна	ДВ	ИД	МН	ИН	ДО
США	40 (Н)	91 (В)	62 (В)	46 (Н)	29 (Н)
Германия	35 (Н)	67(В)	66 (В)	65 (С)	31 (С)
Япония	54(С)	46 (С)	95 (В)	92 (В)	80 (В)
Франция	68 (В)	71 (В)	43 (С)	86 (В)	30 (С)
Голландия	38 (Н)	80 (В)	14 (Н)	53 (С)	44 (В)
Гонконг	68 (В)	25 (Н)	57 (В)	29 (Н)	96 (В)
Индонезия	78 (В)	14 (Н)	46 (С)	48 (Н)	25 (Н)
Зап. Африка	77 (В)	20 (Н)	46 (С)	54 (С)	16 (Н)
Россия (оценка)	95 (В)	50 (С)	40 (Н)	90 (В)	10 (Н)
Китай	80 (В)	20 (Н)	50 (С)	60 (С)	118 (В)

Переменные культуры:

ДВ – дистанция власти; ИД – индивидуализм; МН – мужественность; ИН – стремление избегать неопределенности; ДО – долгосрочность ориентации.

Степени проявления:

В – высокая; С – средняя; Н – низкая.

Цифрами указаны баллы, отражающие степень проявления той или иной переменной культуры.

Модель Г. Лэйн и Дж. Дистефано

Разработанная Г. Лэйн и Дж. Дистефано [см.: 11] **модель определения влияния национального фактора на организационную культуру** строится на шести переменных, определяемых как проблемы, с которыми общество сталкивается на протяжении своей истории. Антропологами установлено, что различные общества по-своему решают эти проблемы. В модели эти разные пути названы «вариациями в ценностных ориентациях».

Шесть переменных рассматриваемой модели включают:

- отношение человека к природе;
- ориентацию во времени;
- веру о природе человека;
- ориентацию на деятельность;
- отношения между людьми;
- ориентацию в пространстве.

Вариации указанных переменных приводятся в табл. 3 [1, с. 463].

Таблица 3 – Матрица «культурных» переменных и их вариаций в разных культурах (по Лэйн и Дистефано)

Переменные	Вариации в изменении переменных		
Отношение человека к природе	Подчинение природе	Гармония с природой	Господство над природой
Ориентация во времени	Жить прошлым	Жить настоящим	Жить будущим
Вера о природе человека	Человека нельзя изменить	Человека можно изменить	
	Человек изначально «плохой»	Человек изначально «нейтральный»	Человек изначально "хороший"
Ориентация на деятельность	От работы важно получать удовлетворение	В работе важен ее процесс	В работе важен ее результат
Отношения между людьми	На основе иерархических связей	На основе групповых связей	На основе индивидуальных связей
Ориентация в пространстве	Как частичка общества	Смесь умеренного индивидуализма с принадлежностью к системе	Как отдельное частное лицо

Модель предполагает, что каждая из указанных переменных и ее «национальная» вариация имеют непосредственную связь с теми или иными характеристиками и вариациями их состояния в рамках организационной культуры, преобладающей в данном обществе.

Так, вера о природе человека заключается не в понимании того, как один индивид думает о другом, а в том, во что индивид верит, рассматривая возможности человека. Например, можно ли изменить человека или нет. Или являются ли люди изначально плохими, хорошими или теми и другими.

В организации ценностные ориентации в отношении природы человека могут, согласно модели, измеряться через следующие характеристики: система контроля; стиль управления; организационный климат. Последние также имеют свои «вариации» для каждой из культур (табл. 4) [см.: 1, с. 463].

Таблица 4 – Характеристики «культурной» переменной «вера о природе человека» и их вариации в разных организационных культурах

Характеристики	Вариации характеристик		
Система контроля	Жесткая, основанная на подозрительности	Умеренная, основанная на опыте	Гибкая, основанная на информации
Стиль управления	Автократический, прямое руководство	Умеренный, консультативное руководство	Демократический, участие в управлении
Организационный климат	Противостояние, заключение контракта/согласия	Компромисс, уступки	Сотрудничество, неформальные связи

Наиболее очевидным с точки зрения влияния природы человека на организационную эффективность является система контроля. Ориентация на изначально «плохое» в природе человека служит основой жесткой системы контроля, предполагающей подозрительное отношение к людям. Другие ориентации («нейтральное» и «хорошее») в отношении природы человека будут воспроизводить соответственно более гибкие системы контроля.

Модель У. Оучи

Широко известная сегодня организация типа «Z», описанная У. Оучи, представляет собой попытку показать, как соединение преимуществ двух достаточно различных культур (японской и американской) способствует созданию эффективного варианта культуры американской деловой организации [см.: 6].

Свое исследование У. Оучи построил на сравнительном анализе семи переменных организационной культуры:

- обязательства организации по отношению к своим членам;
- оценка выполнения работы;
- планирование карьеры;
- система контроля;
- принятие решений;

- уровень ответственности;
- интерес к человеку.

Эти семь сравниваемых переменных представлены в табл. 5 [1, с. 464].

Таблица 5 – Модель организации типа «Z» У. Оучи

«Культурные» переменные	Характеристики в японских компаниях	Характеристики в американских компаниях типа «Z»	Характеристики в типичных американских компаниях
Наем	Пожизненный	Долговременный	Кратковременный
Оценка и продвижение	Качественное и медленное	Качественное и медленное	Количественное и быстрое
Карьера	Широко специализированная	Умеренно специализированная	Узко специализированная
Механизм контроля	Неясный и неформальный	Неясный и неформальный	Ясный и формальный
Принятие решения	Групповое и консенсусное	Групповое и консенсусное	Индивидуальное
Ответственность	Групповая	Индивидуальная	Индивидуальная
Интерес к человеку	Широкий	Широкий	Узкий

Обязательства по отношению к работникам. По У. Оучи, все три типа организации высоко ценят низкий уровень текучести кадров. Увольнения применяются только в исключительных случаях.

Вместе с тем, следует отметить, что если в Японии чаще используется система пожизненного найма, то американские фирмы традиционно ориентируются на краткосрочный найм, предоставляя индивиду свободу выбора. Хотя на практике большинство американских рабочих и служащих строят свою профессиональную карьеру, стараясь менять небольшое количество компаний.

Оценка выполнения работы. Все три типа организаций проводят эту работу, используя как количественные, так и качественные измерители. Однако временной лаг и его влияние на карьеру имеют различия. Так, в типично американской фирме ценится быстрое продвижение, основанное на оценке работы с помощью множества количественных измерителей.

Планирование карьеры. Количество выполняемых в процессе прохождения карьеры функций значительно отличает японского и американского менеджеров. «Третий» путь предлагает разнообразить карьеру менеджера в рамках трех – пяти функций.

Система контроля. Без контроля не обходится ни одна организация. Однако каждая организация решает эту проблему по-своему. Если типичная американская фирма имеет четкую, ясную и достаточно формальную систему отчетности, то для «идеальной» модели предлагается в основном японский подход, когда контроль осуществляется через неформальные и менее

структурированные механизмы. Одним из наиболее эффективных механизмов является организационная культура.

Принятие решений. Предпочтение отдается японскому варианту, когда решения в организации принимаются на уровне группы и на консенсусной (все в основном согласны и принимают решения к исполнению) основе.

Уровень ответственности. В отличие от системы принятия группового консенсусного решения, модель У. Оучи предлагает для американской фирмы типа «Z» сохранять ответственность на индивидуальном уровне. В этом случае предполагается, что две разные культурные ценности (групповое решение и индивидуальная ответственность) должны сосуществовать друг с другом. Решается это во многих случаях через механизм участия в управлении, традиционно сохраняющий окончательное принятие решения за менеджером. Американская концепция индивидуальности при этом сохраняется.

Интерес к человеку. Следуя японскому подходу, У. Оучи предлагает в варианте «Z» интерпретировать личность в организации шире, чем просто работника, проявлять интерес к его внерабочей жизни. Согласно этой модели американский подход к индивиду только как к работнику ограничивает возможности управления человеческими ресурсами.

Модель У. Оучи получила практическое применение на ряде японских автомобильных заводов фирм «Тойота» и «Ниссан» в США. Систематические инвестиции в своих работников и в их работу на протяжении длительного периода времени привели к постепенным и значительным улучшениям.

Таким образом, можно сделать вывод, что учет психологических и культурных особенностей, составление на их основе «культурных карт» организаций являются важнейшими составляющими успеха менеджмента. Следует отметить, что понимание важности кросскультурных поведенческих особенностей различных национальных культур сегодня признается в мировой управленческой практике.

Конечно, необходимо понимать, что приведенные классификационные параметры и характеристики, модели влияния национального фактора на управление далеко не исчерпывают предмет кросскультурного менеджмента.

Список литературы

1. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. – М.: Экономистъ, 2001. – 528 с.
2. Голиков В. Д. Сравнительный менеджмент. – Уфа: Уфимский филиал МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010. – 257 с.
3. Кузнецов Я. Я. Кросскультурный подход и модели современного российского менеджмента // Проблемы экономики. – 2008. – №4. – С. 7 – 9.
4. Мясоедов С. П. Основы кросскультурного менеджмента. Как вести бизнес с представителями других стран и культур. – М.: Дело АНХ, 2008. – 256 с.
5. Ноздрева Р. Б., Синецкий Б. И., Кормышев В. В., Мясоедов С. П., Полянова Т. Н. Организация и управление внешнеэкономической деятельностью. – М.: Инфра-М, 1999. – 432 с.

6. Оучи У. Методы организации производства: японский и американский подходы. – М.: Наука, 1993. – 230 с.
7. Симонова Л. М., Стровский Л. Е. Кросс-культурные взаимодействия в международном предпринимательстве. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 190 с.
8. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books, Doubleday, 1976. – 320 с.
9. Hofstede G. J. *Cultures and Organizations*. London: McGraw Hill Book Company, 1991. – 306 с.
10. Hofstede G. J. Cultural Constraints in Management Theories // *Academy of Management Executive*. – 1993. – Vol. 7. – №1. – С. 81 – 94.
11. Lane H. W., DiStefano J. J. *International Management Behavior*. Ontario: Nelson, 1988. – 387 с.
12. Trompenaars F. *Riding the Waves of Culture*. London: Brearley, 1994. – 275 с.

References

1. Vikhanskiy O. S., Naumov A. I. Management [*Menedzhment*]. Moscow, *Ekonomist*, 2001, 528 p.
2. Golikov V. D. Comparative Management [*Sravnitelnyy menedzhment*]. Ufa, filial MGGU im. M. A. Sholokhova, 2010, 257 p.
3. Kuznetsov Y. Y. Cross-cultural Approach and Models of Modern Russian Management [*Krosskulturnyy podkhod i modeli sovremennogo rossiyskogo menedzhmenta*]. *Problemy ekonomiki* (The Problems of Economy), 2008, №4, pp. 7 – 9.
4. Myasoedov S. P. Basics of Cross-cultural Management. How to Do Business with Representatives of Other Countries and Cultures [*Osnovy krosskulturnogo menedzhmenta. Kak vesti biznes s predstavitelyami drugikh stran i kultur*]. Moscow, Delo ANKh, 2008, 256 p.
5. Nozdreva R. B., Sinetskiy B. I., Kormyshev V. V., Myasoedov S. P., Polyanova T. N. Foreign Economic Activity Organization and Management [*Organizatsiya i upravlenie vneshneekonomicheskoy deyatel'nostyu*]. Moscow, Infra-M, 1999, 432 p.
6. Ouchi Y. Theory Z: How American Business Can Meet the Japanese Challenge [*Metody organizatsii proizvodstva: yaponskiy i amerikanskiy podkhody*]. Moscow, Nauka, 1993, 230 p.
7. Simonova L. M., Strovskiy L. E. Cross-Cultural Interactions in the International Business [*Kross-kulturnye vzaimodeystviya v mezhdunarodnom predprinimatel'stve*]. Moscow, Yuniti-Dana, 2003, 190 p.
8. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, Doubleday, 1976, 320 p.
9. Hofstede G. J. *Cultures and Organizations*. London, McGraw Hill Book Company, 1991, 306 p.
10. Hofstede G. J. Cultural Constraints in Management Theories. *Academy of Management Executive*, 1993, Vol. 7, №1, pp. 81 – 94.

11. Lane H. W., DiStefano J. J. *International Management Behavior*. Ontario, Nelson, 1988, 387 p.
12. Trompenaars F. *Riding the Waves of Culture*. London, Brearly, 1994, 275 p.

УДК 74; 304.5

Роль дизайна в реализации концепции устойчивого развития^{*}

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках проекта №13-14-66007 «Генезис экологического дизайна и экологическая парадигма дизайн-образования на примере Уральского региона»

Панкина Марина Владимировна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет», доцент кафедры арт-дизайна, кандидат педагогических наук, доцент, Екатеринбург, Россия.

E-mail: marina-pankina@rambler.ru

620012 Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11,
тел.: 8 902 87 37 161.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В настоящее время расширяются исследования социокультурного значения дизайнерской деятельности, ее влияния на формирование экологической культуры и культуры потребления. Этот подход позволяет определить роль дизайна и в реализации стратегии устойчивого развития.

Результаты: Предметно-пространственная среда влияет на физиологическое и психологическое состояние, социальное поведение человека. Дизайн должен быть экологически и социально ответственным. Основными проблемами современного дизайна можно назвать удовлетворение разумных потребностей, рациональность, соответствие стандартам экологической экономики, сохранение и поддержание ресурсов, формирование вкусовых предпочтений, ценностных и потребительских установок, культуры потребления. Дизайн должен вносить свой вклад в формирование мировоззренческих и эстетических идеалов, экологической культуры, в формирование мировоззрения потребителей на основе принципов экоцентрического сознания.

Область применения результатов: Экологическая культура должна стать аксиологическим основанием дизайна, использоваться в дизайнерской деятельности как основа методологии проектирования.

Выводы: В триаде базовых культурных ценностей «человек-общество-природа» дизайн может стать связующей нитью и катализатором выхода из экологического кризиса, решения задач устойчивого развития и обеспечения гармонии сосуществования общества и природы.

^{*} © М. В. Панкина, 2014.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экологическая культура; аксиологические основания дизайна; этика дизайна; дизайн-образование.

The Role of Design in Sustainable Development Realization

Pankina Marina Vladimirovna – Russian State Vocational-Pedagogical University, Art-Design Department, Associate Professor, PhD. (Education), Yekaterinburg, Russia.

E-mail: marina-pankina@rambler.ru

11, Mashinostroiteley st., Yekaterinburg, Russia, 620012,
tel: 8 902 87 37 161.

Abstract

Background: At the present time some research on designer activity, its socio-cultural importance, its influence on ecological and consumer culture is carried out. This allows us to define what part design plays in sustainable development realization.

Results: Environment greatly influences human's physiological and psychological state, their social behavior. Design has to be responsible from ecological and social points of view. The main issues of contemporary design seem to be reasonable need satisfaction, rationality, compliance with environmental quality standards, natural resources preservation and sustainability, the formation of taste preferences, value and consumer orientations, consumer culture. Design should contribute to forming ideological and aesthetic ideals, ecological culture, consumer favors on the basis of ecocentrism.

Research implications: Ecological culture should become the axiological basis of design, used as an essential premise of design management methodology.

Conclusion: In the triad of basic cultural values 'humans – society – nature' design can become their connective link and catalyst for overcoming the ecological crisis, solving sustainable development challenges and achieving coexistence harmony between nature and society.

Keywords: sustainable development; ecological culture; axiological bases of design; design ethics; design education.

В настоящее время, спустя более двадцати лет после принятия Концепции устойчивого развития, в условиях постиндустриального потребительского общества, в ситуации противостояния культуры и «натуры», череды экологических катастроф локального и межгосударственного масштаба становится актуальным предупреждение экологических проблем и формирование экологической культуры для обеспечения не только устойчивого развития, а самого выживания человечества. Экологическому кризису сопутствует кризис духовный, потеря ценностных основ общества, отсутствие мотивации к гармоничному сосуществованию с природой.

Нравственным императивом в системе взаимоотношений человека и природы должна стать экологическая культура, являющаяся частью

общечеловеческой культуры, системой социальных отношений, морально-этических норм, взглядов, установок и ценностей. Как мера свободы человека по отношению к природе, она регулирует внутреннюю мотивацию человека. Важнейшим достоинством экологической культуры является ее предупредительная миссия, в то время как организационно-административные и экономические механизмы природопользовательской деятельности регулируют лишь следствие происходящих процессов.

Для решения экологических проблем необходимо объединение усилий специалистов различных сфер науки, производства и искусства. Особую роль и огромные возможности для обеспечения устойчивого развития, его экономической, социальной, культурной и экологической составляющих, для формирования системы ценностей и мировоззрения общества имеет дизайн как глобальный феномен современности, который охватывает фактически всю предметно-пространственную среду обитания человека, присутствуя в повседневной жизни как материальная составляющая бытия. Дизайнеры проектируют предметно-пространственную среду, «вторую природу», которая обеспечивает жизнедеятельность человека и решает проблему гармонизации сосуществования человека и окружающей среды [см.: 1].

Дизайн является продуктом человеческой культуры. В этой парадигме он выступает как деятельность, интегрирующая материальную и духовную культуру, акцентируется социокультурная роль дизайна, а материальный мир понимается как отражение этнокультурного своеобразия и традиций. Дизайн содержит в себе научно-техническую, эстетическую и мировоззренческую составляющие. Эволюция подходов, методов, принципов, технологий дизайна обусловлена тенденциями общественных процессов, изменениями технологических возможностей производства, экологическими проблемами, а также осмыслением миссии проектной деятельности и степени профессиональной ответственности самими дизайнерами.

Дизайн как феномен культуры имеет, прежде всего, социокультурную сущность, которая проявляется и в отклике на материальные и духовные запросы общества, и во влиянии предметно-пространственной среды на социальное поведение человека. Объекты дизайна не только функционально обеспечивают и организуют жизнь людей, но и оказывают влияние на их физиологическое и психологическое состояние. Решение предметно-пространственной среды влияет на качество жизни, состояние здоровья, психофизический комфорт и пр. Таким образом, работа дизайнера, создающего пространство для жизни, всегда имеет экологический характер. Создавая искусственную среду обитания, дизайнеры прогнозируют и человеческую деятельность в ней (в системе человек – предмет – машина – среда), открывают для общества новые формы, конструкции и технологии, организуют жизненное пространство, формируют социальные процессы, коммуникации и образ жизни потребителей. Дизайнеры в своих произведениях задают ориентир эстетических предпочтений, воспитывают вкус, формируют культуру потребления, а также часто провоцируют новый виток потребления, не всегда необходимый и оправданный. Причем воздействие визуальных форм

произведений дизайна происходит опосредованно, а закодированная в образах предметно-пространственной среды информация воспринимается на подсознательном (физиологическом и психологическом) уровне и без перевода (вспомним, что из всех чувств именно зрение дает человеку 80% информации об окружающем мире).

Дизайн играет ключевую роль в управлении социальными и коммуникативными процессами, которые происходят во время проектирования и производства объектов предметно-пространственной среды. Дизайнер выступает в нескольких ролях: исследователя, психолога, художника, проектировщика и методиста, рассматривающего дизайн-объект системно; экономиста и эколога, просчитывающего рентабельность и этапы «жизни» объекта. Эта многоликость и в то же время единство профессиональных ролей приучает мышление дизайнера к внутренней диалогичности и рефлексии. Дизайнер – по сути своей коммуникатор и человек, всегда работающий в команде, объединяющий и координирующий действия многих людей: проектировщика, заказчика, потребителя, многих участников процесса производства.

Под функцией дизайнеры понимают не только утилитарный и технологический смысл какого-либо процесса, вещи, явления, но и эмоционально-образное, общественное содержание и ценность получившегося продукта, его участие в интеллектуальной жизни, культуре, в духовной составляющей нашего сознания. В целом, эта социальная составляющая и миссия дизайна является наиболее важной, так как без социального заказа и востребованности нет вообще необходимости проектирования и воплощения какого-либо объекта. Дизайн неотделим от демографической составляющей, повышения уровня жизни людей. На самом деле люди хотят не новый дизайн, а хотят изменить свою жизнь.

Экологизация проектного мышления дизайнеров началась вместе с осознанием степени негативного воздействия человеческой деятельности на окружающую среду, а также миссии, социальной ответственности и возможностей профессии. Дизайн должен быть экологически и социально ответственным, писал еще в 1970-х годах Виктор Папанек [см.: 4]. В настоящее время экологическая парадигма (как совокупность ценностей, методов, подходов, технических решений и средств) должна являться ведущей в дизайне, который формирует предметно-пространственную среду, все этапы жизни объекта, от проектирования до процесса изготовления, использования и утилизации. Антропоцентризм классического дизайна и деловой характер коммерческого должна сменить экоцентрическая установка [см.: 3]. Направления экологического, устойчивого, «зеленого» дизайна явились реакцией на экологический кризис.

Если на заре дизайна основными категориями для проектировщика были: функция, структура и как следствие – форма изделия, то сейчас понятие «функция» включает в себя многофункциональность и универсальность, «структура» – модульность, вариабельность, трансформируемость, «форма» – эргономичность, гармоничный, природоморфный образ, чистоту линий и

эстетическую ясность и простоту, неподверженность моде, уникальность, включение в образ эстетики региона. Особое внимание в настоящее время должно уделяться проблеме долговечности и износостойкости изделия, возможности его переработки либо «второй жизни», безвредности всех этапов его производства и утилизации, гигиеничности и экономичности объекта. Дизайнеры, которые проектируют предметно-пространственную среду, обеспечивающую жизнедеятельность человека в окружающих его антропогенной и природной средах, в том числе решают проблему гармонизации сосуществования, взаимодействия человека и окружающей среды. На всех стадиях проектирования и производства объекта дизайна, на всех этапах жизненного цикла готового изделия – транспортировке, использовании и утилизации, дизайнеры имеют возможность и должны предвидеть и предотвратить возможное вредное влияние на природную среду, должны осознавать свою ответственность и миссию.

Функциональная, научно-техническая, художественно-образная, социологическая и философская составляющие дизайн-проектирования неразрывны. Стали особо актуальны преобразовательная, аксиологическая, гносеологическая, коммуникативная, воспитательная, идеологическая, знаковая, социальная, аттрактивная, прогностическая функции дизайна, определяющие его социокультурную миссию. А основными проблемами современного дизайна можно назвать удовлетворение разумных потребностей, рациональность, соответствие стандартам экологической экономики, сохранение и поддержание ресурсов, формирование вкусовых предпочтений, ценностных и потребительских установок, культуры потребления и в итоге – мировоззренческих и эстетических идеалов, формирование экологической культуры и продвижение идей устойчивого развития и экологического дизайна в обществе, формирование мировоззрения потребителей в соответствии с принципами экоцентрического сознания.

Экологический дизайн как направление современного дизайна является не просто и не только проектной деятельностью, а парадигмой, манифестом, деятельностью для будущего, акцентирующей социокультурную сущность и ответственность дизайна. В **интегративной модели экологического дизайна** мы выделяем три ведущих компонента, каждый из которых содержит множество составляющих:

- **содержательный компонент** включает в себя: мировоззренческую, аксиологическую, философско-этическую, онтологическую, семантическую, историко-генетическую, мотивационно-целевую, психологическую, социологическую, экономическую и методологическую составляющие;

- **технологический компонент** включает: производственную, естественно-научную, научно-техническую, нормативную, педагогическую, результативную составляющие;

- **эстетический компонент** включает: формальную, стилевую, художественно-образную составляющие.

Только присутствие одновременно всех трех компонентов дизайна может обеспечить его экологичность. Отсутствие любого из них уводит и процесс

проектирования, и результат в виде объекта дизайна от планируемого и ожидаемого экологического дизайна. Эстетический компонент является завершающей «надстройкой», а фундаментом проектирования являются содержательный и технологический компоненты, без них экологический дизайн превратится в имитацию, обман, аналог «greenwashing» (зеленой отмывки), отмывку под экологический дизайн. Не от формы и внешнего вида, а именно от смысла, идеи, понимания ответственности и миссии проектирования должен осуществляться процесс экологического дизайна.

Аксиомой представляется необходимость формирования экологической культуры, профессиональной этики как определенного морально-нравственного кодекса у будущих дизайнеров. Экологическая культура должна являться имманентным, надпрофессиональным и межпрофессиональным качеством личности дизайнера, которое необходимо формировать в процессе обучения в вузе на основе интеграции психологического, педагогического, акмеологического и экологического знаний. Аксиологический смысл дизайн-образования заключен в том, чтобы сформировать ценностные экологические установки, в основе которых – целостное восприятие мира, признание не утилитарной, а всеобщей ценности природы как основы жизни, ответственное отношение ко всем проявлениям жизни. Дизайнер должен быть способен и готов реализовать в профессиональной деятельности экологические ценностные установки и ориентиры, проектировать гармоничную и целостную предметно-пространственную среду, транслировать экологическую культуру в общество.

Дизайн – деятельность для будущего, это сознательный, целенаправленный, свободно избираемый по целям и средствам способ опредмечивания человеческих замыслов [см.: 2]. Аксиологические основания дизайна предопределены его созидательной и социокультурной миссией. Многоликость форм и характера деятельности, опора на традиции и прогнозирование будущего, конформизм, тиражируемость и инновационность, подчиненность социальным процессам, факторам производства и рыночной экономики требуют вычленения главных ориентиров. А это – нравственный императив и экологическая культура, профессиональная этика, сохранение ценностей и передача их в дизайн-образовании. Экологическая культура должна стать аксиологическим основанием дизайна, основой методологии проектирования. В триаде базовых культурных ценностей «человек – общество – природа» дизайн может быть связующей нитью и катализатором выхода из экологического кризиса, решения задач устойчивого развития и обеспечения гармонии сосуществования общества и природы.

Список литературы

1. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.
2. Мосорова Н. Н. Философия дизайна: учебное пособие. – Екатеринбург: Архитектон, 1999. – 173 с.
3. Панкина М. В. Экологическая парадигма дизайна // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2012. – № 2. – С. 80 – 82.

-
4. Папанек В. Дизайн для реального мира. – М.: Д. Аронов, 2008. – 416 с.

References

1. Kagan M. S. Philosophy of Culture [*Filosofiya kultury*]. Saint Petersburg, Petropolis, 1996, 415 p.
2. Mosorova N. N. Philosophy of Design [*Filosofiya dizayna: uchebnoe posobie*]. Ekaterinburg, Arkhitekton, 1999, 173 p.
3. Pankina M. V. Environmental Paradigm Design [Ekologicheskaya paradigma dizayna]. *Akademicheskiy vestnik UralNIIproekt RAASN* (The Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN), 2012, №2, pp. 80 – 82.
4. Papanek V. Design for the Real World: Human Ecology and Social Change [*Dizayn dlya realnogo mira*]. Moscow, D. Aronov, 2008, 416 p.

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом до 40 000 знаков (1 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат А4
- редактор Word 97 – 2003, формат doc или rtf
- шрифт Times New Roman
- междустрочный интервал – одинарный
- кегль – 14 pt
- поля – по 2,0 см. со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см.

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся аннотация (обычно 100 – 250 слов) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 12 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и

нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. *Monadology* [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1 – 784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383 – 408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197 – 201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3 – 19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3 – 19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109 – 116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98 – 106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109 – 116.

Ignatev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98 – 106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911 – 1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11 – 12, pp. 570 – 614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;

– имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О.В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual

processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, например, «сине-зелёный», и выглядит коротко) и тире (ставится между словами, цифрами и т. п., например, «1950 – 1960 годы», «движение – жизнь»; перед и после тире ставится пробел, тире выглядит длинно). Также необходимо обращать внимание на то, что между инициалами, в сокращениях типа «и т. п.» и прочих ставится символ неразрывного пробела (ctrl+shift+пробел).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, юриспруденция, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100 – 250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph.D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100 – 250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...

2. ...

References

1. ...

2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2014.